

**Премии журнала
«Вопросы литературы»
за 2013 год**

присуждены:

Виктору ЕСИПОВУ

за цикл публикаций «Из архива Василия Аксенова»;

Борису КАГАНОВИЧУ

за статью «А. А. Смирнов
и пастернаковские переводы Шекспира» (№ 2);

Олегу КУДРИНУ

за статьи о русской прозе XX—XXI веков;

Людмиле ЕГОРОВОЙ

за серию рецензий
в разделе «Книжный разворот» (№ 1—6).

журнал
критики и литературоведения

ВОПРОСЫ литературы

Ноябрь — Декабрь 2013

**Главный редактор
И. О. ШАЙТАНОВ**

**РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ:**

**К. М. Азадовский, А. Д. Алехин,
С. Г. Бочаров, Ю. В. Манн, В. Л. Махлин,
Е. А. Погорелая (ответственный секретарь), Б. М. Сарнов,
Е. Ю. Сидоров, А. М. Турков, К. Эмерсон**

РЕДАКЦИЯ:

**И. Дуардович (заведующий редакцией),
Т. В. Еремеева (редактор),
Е. М. Луценко (редактор),
М. О. Переяслова (редактор),
С. А. Чередниченко (директор)**

Учредители: РОФ «Литературная критика»,
редакция журнала критики и литературоведения
«Вопросы литературы»

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС77-47288 от 17 ноября 2011 г.

**Выражаем благодарность за финансовую поддержку,
которую оказывают журналу Министерство культуры РФ и
Федеральное агентство по печати и массовым коммуникациям.**

СОДЕРЖАНИЕ

История русской литературы

Был ли Московский текст в русской литературе?

- 9 **А. ЛЮСЫЙ.** Третьеримские вычитания

А. С. Пушкин

- 40 **А. БЕЛЫЙ.** «Понятна мне времен превратность...»
57 **Т. СТЕПАНОВА, Д. СХАЛЯХО.** Архаический обрядовый
дискурс и современность. *Полемика о Пушкине в новописьмен-*
ной литературе Северного Кавказа

Литературное сегодня

- 67 **А. ТАТАРИНОВ.** Современный роман: важные встречи с не-
бытием

Новейшая антология

- 83 **О. КУДРИН.** Абакум и Герасим. *Достоинства и недостатки*
романа – победителя Русского Букера-2012

Язык современной поэзии

О. Э. Мандельштам

- 99 **Н. ВАЙМАН.** Кассандра
111 **Л. ВИДГОФ.** Французские мотивы. *Нестрогие рассуждения*
о стихах и прозе О. Мандельштама
125 **В. КОРКУНОВ.** Еще раз о «Савёловском периоде» О. Ман-
дельштама. *К вопросам о разночтениях в стихах и сохранении па-*
мяти поэта в Кимрах

Портретная галерея

- 133 **А. МЕЖИРОВ.** «Поэзия — ни в коем случае не профессия...»
Текст выступления подготовлен к публикации З. Межировой

Сравнительная поэтика

- 147 **Е. ПЕСТЕРЕВА.** Улисс в отечестве своем. *Рецепция романа*
Дж. Джойса «Улисс» в поэме О. Чухонцева «Однофамилец»

Филология в лицах

- 161 С. БОГАТЫРЕВА.** Краткое жизнеописание профессора Сергея Бернштейна, ученого-лингвиста, в воспоминаниях и 43-х документах

Поэтика жанра

- 229 Э. БЕЗНОСОВ.** О жанре поэмы «Василий Тёркин». *«Попятное» движение от сказки к мифу*
- 243 М. СИЛИ.** Об одном поэтическом экфрасисе С. Городецкого

Зарубежная литература

Шекспировская мастерская

- 247 Э. АКИМОВ.** Ричард Глостер и Дон Гуан. *Уроки исторической поэтики*
- 264 Н. ЗЕЛЕЗИНСКАЯ.** Романы Айрис Мёрдок. *Уроки шекспировского жанра*

Современные имена

- 274 В. ШЕРВАШИДЗЕ.** Поэтика «следа» во французском романе: «Поля чести» Жана Руо

История идей

- 294 В. КАНТОР.** Голгофник versus Варавва. *К полемике Чернышевского и Герцена о России*

Синтез искусств

- 332 П. ВОЛКОВА.** Автопортрет с тенью Зазеркалья

Век минувший

Из архива Василия Аксенова

- 347** Из записных книжек (1962—1965)
- 376** Из официальной переписки. *Вступительное слово и подготовка публикации В. Есипова, комментарии В. Есипова и А. Гладилина*

Над строками одного произведения

- 390 В. СОБОЛЬ.** Билет на поездку... к себе. *Бунтующие персонажи Василия Аксенова*

Заметки. Реплики. Отклики

- 406 А. КОНАКОВ.** О рифме избитой
414 М. САЛЬМАН. К родословной Н. Я. Мандельштам

Публикации. Воспоминания. Сообщения

- 419 А. ГНОВЕВЫХ.** «Насколько это явление прочно и устойчиво, покажет будущее». *В. Короленко о новом поколении российских консерваторов*

Обзоры и рецензии

- 444 В. МАХЛИН, Н. ДОЛГОРУКОВА.** Ресентимент одураченных
451 С. ЯКОВЛЕВ. Поиск идентичности
463 Н. ПАВЛОВА. О смысле культуры модерн

Книжный разворот

- 470** Б. Н. Тарасов. Феномены западной культуры Нового времени в контексте антропологических традиций Возрождения и христианской мысли (С. ЧЕРЕДНИЧЕНКО); Н. И. Рейнгольд. Мосты через Ла-Манш: Британская литература 1900—2000-х (Л. ЕГОРОВА); Х. Кортасар. Письма к издателю (Д. АЛЬФИН); Д. Быков. Советская литература. Краткий курс (С. БЕЛЯКОВ); В. Пустовая. Толстая критика. Российская проза в актуальных обобщениях (Е. ПЕСТЕРЕВА); С. Бочаров. Генетическая память литературы (М. ПЕРЕЯСЛОВА)
- 492** Содержание журнала «Вопросы литературы» за 2013 год (№ 1—6)
-

УНИВЕРСИТЕТСКАЯ БИБЛИОТЕКА ЖУРНАЛА «ВОПРОСЫ ЛИТЕРАТУРЫ»

Учебник для школы или для вуза — самый нужный и едва ли не самый безнадежный жанр. Мечты об учебниках нового поколения, о которых так много говорят, все не сбываются. Журнал «Вопросы литературы», поддержанный грантом Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям, начинает свой проект в сфере издания университетской книги. На основе публикаций последних лет и вслед нашим обычным рубрикам мы составляем книги, которые заполнят существующие лакуны по всем основным литературным курсам учебного процесса. В них самые известные ученые обсуждают современные подходы, произведения классической и новейшей литературы, насущные проблемы.

В 2011 году вышли первые три тома новой серии:

«РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА НА РУБЕЖЕ XX—XXI ВЕКОВ»,
«ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ КОМПАРАТИВИСТИКИ»,
«ПЕРЕЧИТЫВАЯ КЛАССИКУ.
ВТОРАЯ ТРЕТЬ XIX ВЕКА».

Оформить подписку на новую серию можно одновременно с подпиской на журнал в агентствах печати и в редакции нашего журнала.

История идей

Владимир КАНТОР

ГОЛГОФНИК VERSUS ВАРАВВА

К полемике Чернышевского и Герцена о России

...опять
голгофнику оплеванному
предпочитают Варавву?

Вл. Маяковский. «Облако в штанах»

В русской культуре стоят рядом две фигуры, которые принято называть революционными мыслителями, предшественниками большевиков, — Чернышевский и Герцен. Но с тех пор, как изменилось отношение к большевизму, называть кого-либо предшественниками людей, разоривших страну, устроивших дьявольское избиение всего выдающегося на этой земле, создавших невиданную в мире тоталитарную структуру, можно лишь с явным негативным оттенком. Правда, Герцена во все послесталинское время выводили из революционного лагеря, пока не сумели причислить к либералам. Чернышевский же, несмотря на работы, где его позицию разводили с позицией Ткачева, Нечаева и Писарева, все равно в сознании практически всех образованных людей остался тем, кто «звал Русь к топору». Включишь ли интеллектуальную программу по телевизору, отроешь ли газету — везде повторяется это клише. Скажем,

Марк Захаров, интеллектуал, говорит об этом призыве к топору как о том, что было на самом деле. На теме топора я еще остановлюсь (эту фразу приписал Чернышевскому Луначарский в 1928 году). Пока скажу только, что не годится исследователям, людям науки, избирать, выражаясь языком Парменида, «путь мнения», а не «путь истины» и следовать мнениям толпы, повторяющей газетные пустоты.

Просто так хочется найти человека, жившего в Европе, поначалу западника, боровшегося с самодержавием, в Европе ставшего славянофилом (что радует другую часть современного образованного общества), но вроде бы создавшего орган свободного русского слова («Колокол» и «Полярную звезду»), почти изгнанника (см. фильм Александра Архангельского), как русские послеоктябрьские эмигранты, высланные большевиками. Забывается, что Герцен уехал сам, продав свои имения и своих крепостных, а уж потом начал бороться с крепостным правом, призывая крестьян к топору. Да, именно он и его друг Огарев. И это прекрасно понимали его современники-интеллектуалы. Достаточно назвать имя великого историка и философа Б. Чичерина, который уже тогда упрекал не Чернышевского, а Герцена, что он зовет к бунту и топору. Не говорю уж о том, что «Колокол» — прямой предшественник ленинской «Искры».

Начинает Герцен с критики Западной Европы. В этом он не оригинален. Предшествовали ему и Фонвизин, и Уваров, и славянофилы, которые, поездив по Западу, стали его жесткими критиками. Но особенность точки зрения Герцена была в том, что он полемизировал с Европой, смеялся над ней, предрекал ей гибель, опираясь на европейские же идеалы, выработанные в недрах европейской культуры, — идеалы демократии и социализма¹. Сам он замечал: «Мы являемся в Европу с ее собственным идеалом и с верой в него. Мы знаем Европу книжно, литера-

¹ Проницательный Боткин это понял: «Наши друзья, — писал он о Герцене, — со слов социалистов представляют эту буржуазию чем-то вроде гнусного, отвратительного, губительного чудовища» (*Боткин В. П. Литературная критика. Публицистика. Письма. М.: Советская Россия, 1974. С. 274*).

турно, по ее праздничной одежде, по очищенным, перегнанным отвлеченностям»². В этом пункте и крылось глубинное противоречие герценовской позиции. Запад оказался вполне реальным, со своими проблемами, своими поражениями, а отнюдь не сакральным местом, где реализуются революционные идеалы в чистом виде. Началось разочарование в революционности Запада. После «Писем из Франции и Италии» и апокалиптической книги «С того берега» Герцена называли «русским Иеремием, плачущим на развалинах июньских баррикад» (*Герцен*, V, 223–224). Тогда-то он принялся искать революционный потенциал в России, из которой бежал.

Оба мыслителя прошли через Гегеля и Фейербаха, но прочитали их по-разному. Если Герцен получал их идеи под углом зрения Бакунина, объявившего Сатану самым творческим лицом в человеческой истории, то Чернышевский, не надо этого забывать, был сыном саратовского православного протоиерея, а в молодости семинариста. Николеньку даже называли надеждой русской церкви. Так, современная американская исследовательница справедливо утверждает:

В случае Чернышевского неплотная амальгама христианского социализма и фейербаховского антропологизма легла на прочную почву: сын священника, готовившийся к духовной карьере, он получил весьма основательное богословское образование. Весной 1846 года он приехал в Петербург истово верующим и хорошо осведомленным христианином. К осени 1848 года, после двух лет запойного чтения французских социалистов, он исповедовал православие, «усовершенствованное» рационалистами (слова Чернышевского, зафиксировавшего свое кредо в дневнике, 1:132) <...> Однако, веря в Фейербаха, он понимал его учение как человек, который вырос на духовной почве русского православия, предпосылкой для

² *Герцен А. И.* Письма из Франции и Италии // *Герцен А. И.* Собр. соч. в 30 тт. Т. V. М.: АН СССР, 1955. С. 219. Далее ссылки на это издание даются в тексте с указанием тома и страницы.

радикальных материалистических и социалистических убеждений Чернышевского послужила христианская догматика — хорошо известные истины православного катехизиса³.

Часто говорят, что Чернышевский материалистически пересмотрел христианские положения. На это можно возразить, что, зная из личного опыта беспомощность русской церкви, бывший семинарист, по сути дела, дал русскому обществу систему глубоко христианских ценностей, секуляризованных, в современной ему позитивистской одежде.

Христианство было для него важно как для человека, полностью принимавшего европейский пафос развития. Чернышевский опирался на принципы, выработанные в Западной Европе, прежде всего на идею важности жизни отдельно взятого индивида, не раз повторяя великую мысль Канта о том, что человек сам себе цель, но отнюдь не средство — какое бы благо ни было обещано впереди. Он был по всему духу своему европейцем, вырос и воспитался не только на русской, но и на классической европейской литературе (Шиллер, Жорж Санд, Лессинг, Диккенс, Гёте) и философии (от Платона и Аристотеля до Канта, Гегеля, Фейербаха), писал о западноевропейских классиках, переводил с немецкого, английского, французского, вел в «Современнике» раздел зарубежной политической хроники, то есть знал Западную Европу как мало кто. Но он боялся — и не мог не бояться — тех неопитов, которые обращаются к западной мысли как к отмычке для русских проблем. Ибо старался исходить из отечественных реалий.

Герцен потерял веру в творческий потенциал европейской культуры и начал предрекать ей последний час. Стоит подчеркнуть, что, говоря о социалистах как о новых христианах, *он христиан воспринимает не как носителей новой парадигмы культуры, а как варваров-разрушителей*:

³ *Паперно Ирина*. Семиотика поведения: Николай Чернышевский — человек эпохи реализма. М.: Новое литературное обозрение, 1996. С. 168.

Я часто воображаю, как Тацит или Плиний умно рассуждали со своими приятелями об этой нелепой секте назареев, об этих Пьер Ле-Ру, пришедших из Иудеи с энергической и полубезумной речью, о тогдашнем Прудоне, явившемся в самый Рим проповедовать конец Рима <...> Или вы не видите новых христиан, идущих строить, новых варваров, идущих разрушать? — Они готовы, они, как лава, тяжело шевелятся под землю, внутри гор. Когда настанет их час — Геркуланум и Помпея исчезнут, хорошее и дурное, правый и виноватый погибнут рядом (*Герцен*, VI, 58).

Так он артикулировал демоническую бакунинскую страсть к разрушению, приводя исторические примеры этого разрушения. Он готов приветствовать гибель культуры и высших слоев общества, то есть Российской империи и буржуазной Европы, в истребительном пожаре революции. Но кто же эти варвары, эти грядущие гунны? Русские?

Мы слишком задавлены, слишком несчастны, чтоб удовлетвориться половинчатыми решениями. Вы многое падите, вас останавливает раздумье совести, благочестие к былому; нам нечего падить, нас ничего не останавливает <...> В нашей жизни есть что-то безумное, но нет ничего пошлого, ничего неподвижного, ничего мещанского (*Герцен*, V, 222).

Самое поразительное, что Чернышевского судили и обвиняли в революционности как вождя грядущего бунта, *а он всеми силами пытался противостоять бунту*. В «Письмах без адреса», написанных незадолго до ареста, он говорит о возможном народном восстании:

Все лица и общественные слои, отдельные от народа, трепещут этой ожидаемой развязки. Не вы одни, а также и мы желали бы избежать ее. Ведь между нами также распространена мысль, что и наши интересы пострадали бы от нее <...> даже интерес просвещения. Мы думаем: народ невежествен, исполнен грубых предрассудков и слепой ненависти ко всем отказавшимся от его диких привычек. Он не делает никакой разницы между людьми, носящими немецкое платье; с ними со всеми он стал бы поступать одинаково. Он не пощадит и

нашей науки, нашей поэзии, наших искусств; он станет уничтожать всю нашу цивилизацию⁴.

Эти письма — отчаянная попытка воззвать к разуму царя и правительства: «Презренная писательская привычка надеяться на силу слова отуманивает меня» (*Чернышевский*, X, 92—93). Но, арестованный, он не стал робко объяснять, что он тоже против бунта, ни разу не унизил себя оправданием такого рода. И принял каторгу и Сибирь — совсем в духе терпеливого русского страдальца.

В отличие от Чаадаева, славянофилов, Герцена, утверждавших: мы пришли позже, а пойдем дальше, воспользовавшись «последним словом» Западной Европы, Чернышевский полагал необходимым прежде преодолеть национальный архетип, не позволяющий стране развиваться. Что же это за архетип? Наверное, можно назвать его самодовольством варварства. Вот издевательски-иронический пассаж бывшего саратовского семинариста:

Один уверяет, что очень хороша привычка нашего народа безответно подвергаться всяким надругательствам и что Западная Европа умирает от недостатка этой похвальной черты, а спасена будет нами через научение от нас такому же смирению. Другой находит, что мы молодцы пить и гулять, что Западная Европа должна научиться от нас широкому русскому разгулу, то есть дракам в харчевнях и битью стекол в трактирах, и спасена будет от смерти собственно этим. Третий проникает глубже в народную жизнь, и от домашнего очага, то есть от сбитой из глины печи черной избы, выносит иное сокровище: битые жен мужьями, битые сыновей отцами (и наоборот, битые отцов сыновьями, когда отцы одряхлеют), отдавание дочерей замуж и венчанье сыновей по приказанию родительскому без надобности в согласии женимых и выдаваемых замуж; эти семейные отношения должны послужить идеалом для Западной

⁴ *Чернышевский Н. Г.* Письма без адреса // *Чернышевский Н. Г.* Полн. собр. соч. в 15 тт. Т. X. М.: ГИХЛ, 1951. С. 92. В дальнейшем все ссылки на это издание даются в тексте. Курсив во всех цитатах из Чернышевского мой.

Европы, которая и спасется через них. Четвертый восхищается продолжительностью нашей жестокой зимы и находит, что Западная Европа расслабела от недостатка морозов; но уж в этом никак нельзя ей помочь, и он откровенно сознается, что дело ее пропавшее (*Чернышевский*, VII, 663—664).

Верил ли он в революцию, моментально переиначивающую жизнь, избавляющую нас от азиатства, насилия и произвола? Вот его ответ:

Весь этот сонм азиатских идей и фактов составляет плотную кольчугу, кольца которой очень крепки и очень крепко связаны между собой, так что *Бог знает, сколько поколений пройдут на нашей земле, прежде чем кольчуга перержавеет и будут в ее прорехи достигать нашей груди чувства, приличные цивилизованным людям* (*Чернышевский*, VII, 616—617).

К теме революции я еще вернусь, пока же замечу, что в своей философии истории Чернышевский был абсолютно оригинален, не повторяя «последних слов» Запада, ибо исходил из конкретных особенностей отечественной истории, которую знал в деталях, не всем известных (писал, например, о татарском прошлом Саратовской губернии). Мало кто из современников заметил его оригинальность, но стоит привести слова о Чернышевском наблюдательнейшего консерватора А. Суворина в письме 1861 года воронежскому литератору М. Де Пуле: «Он не уступит лучшим характерам прошлого времени», к тому же сделал то, о чем только мечтали славянофилы — посмел «выйти из пеленок западной мысли и <...> говорить от себя <...> свои слова, а не чужие»⁵.

Стоит еще раз подчеркнуть, что исходная установка Герцена и Чернышевского была не только социально, но и семейно-нравственно разная.

⁵ Ф. М. Достоевский. Новые материалы и исследования // Литературное наследство. Т. 86. М.: Наука, 1973. С. 380.

И дело не в одном лишь возрасте: Герцен родился в 1812 году, а Чернышевский на полтора десятка лет позже — в 1828-м. Бастард Герцен жил в развратной атмосфере богатого дома вельможи, отца-вольтерьянца, который в любую минуту мог признать своим наследником любого из похожих на него дворовых мальчишек. Все они были его незаконные дети. Характерно, что почти все герценовские герои, особенно в романе «Кто виноват?», — либо незаконные дети, как Любочка Круциферская, либо законные *по случаю*, как Владимир Бельтов. Образ отца в его прозе — всегда образ властного и далекого от детей человека. Это была та жизнь, в которой начинал свое бытие Герцен, с полным отсутствием нравственности как установки жизнеповедения. Христианские понятия там отсутствовали, вернее, присутствовали как культурный фундамент, для изящного выражения мыслей. Клятва на Воробьевых горах — из серии красивых жестов брошенных детей, которые хотели как-то самоутвердиться. А потом поиск средств для реализации сумасшедшей мальчишеской клятвы, тут было не до нравственности. Не случайно Герцен продал тысячи своих крепостных, сбежав на Запад, ведь, как он усвоил, деньги надежнее. И после начал призывать крепостных крестьян к бунту, чтобы они освободились от своего ярма. Ведь лично ему этот бунт уже не грозил. Да и антихристианство его было очевидно. Он писал в своей знаменитой книге «Письма из Франции и Италии», уже в эмигрантский период:

Христианство, раздвояя человека на какой-то идеал и на какого-то скота, сбilo его понятия; не находя выхода из борьбы совести с желаниями, он так привык к лицемерию, часто откровенному, что противоположность слова с делом его не возмущает (*Герцен*, VI, 127).

Не случайно Герцена равняют с Ницше.

Чернышевский же был единственный законный сын, и отец вкладывал в него все свои знания, не говоря уж о любви. Это была не бедная семья — что называется, среднего достатка. Свой дом-усадебка, несколько крепостных, но основной доход — жалованье за работу. Чернышевский был сыном священника, саратовского протоиерея, в отличие от

многих русских священнослужителей весьма образованного и давшего сыну хорошее образование (классические языки, а также современные европейские и восточные), — достаточно сказать, что сын часто писал отцу письма на латыни. Формально юноша окончил семинарию, но на самом деле обучение было домашнее, экзамены он сдавал экстерном. Отношение к отцу было у него в высшей степени почтительное, да и духовная близость двух христиански ориентированных людей очевидна.

Стоит напомнить, что сочинения Чернышевского в семинарии считались богословскими достижениями. А проезжий епископ, останавливавшийся и гостивший у саратовского протоиерея, называл его сына Николеньку «надеждой русской церкви». Да и очень долго философия была для него «несравненно ближе связана с религиею, нежели русская история и словесность» (отцу, 1850 год; XIV, 175). У него рождается сын, и он извещает отца (1858 год): «Мишу в четверг мы крестили» (XIV, 366), то есть никакого отрицания обрядов, как у записных нигилистов. Но стоит ли вообще доказывать христианскую основу его человеческого и духовного бытия, ту основу, которая не может не определять и все его сочинения?..

Впрочем, одно замечание стоит сделать. Речь о завершении общественной деятельности Чернышевского, о том, как понимали это его современники и он сам. Если русские радикалы призывали к *жертвоприношению* — желательно царской семье, правительства и либералов (впрочем, и себя готовясь принести в *жертву*, — абсолютно *языческое миропонимание*)⁶, то Чернышевский отнюдь не стремился к жертвенности, даже очень хотел *пронести*

⁶ Вот что написано было в прокламации «Молодая Россия»: «Мы не страшимся ее (революции. — В. К.), хотя и знаем, что прольется река крови, что погибнут, может быть, и невинные жертвы; мы предвидим все это и все-таки приветствуем ее наступление, мы готовы жертвовать лично своими головами, только пришла бы поскорее она, давно желанная <...> Как очистительная жертва сложит головы весь дом Романовых» (Революционный радикализм в России: век девятнадцатый. Док. публ. / Под. ред. Е. Л. Рудницкой. М.: Археографический центр, 1997. С. 144).

эту чашу мимо своих уст, но выхода не было, и он с достоинством ее выпил. Некрасов изобразил Чернышевского, хотя и спустя годы после его казни (в 1874 году)... как пророка, почти Христа:

Его еще покамест не распяли,
Но час придет — он будет на кресте:
Его послал бог Гнева и Печали
Рабам земли напомнить о Христе.

Очень христиански точно — *напомнить*, а не заменить, ибо заменяет только Антихрист. Но писалось это как бы о будущем («он будет на кресте»), а Чернышевский уже двенадцать лет спокойно и безропотно нес свой крест, никого не прося о помощи, стойчески и достойно. Эту ситуацию он сам вполне предвидел, иронически, как всегда, заметив в письме Добролюбову (1858): «...мы берем на себя роли, которые выше натуральной силы человека, *становимся ангелами, христианами и т. д.* Разумеется, эта ненатуральная роль не может быть выдержана, и мы беспрестанно сбиваемся с нее и опять лезем вверх...» (*Чернышевский*, XIV, 359). Но он выдержал, несмотря на самоиронию. А может, и благодаря ей.

Чернышевский против революционаризма Герцена

Принципиальное, кардинальное отличие Герцена от всех до него существовавших политических беглецов, эмигрантов и изгнанников в том, что все они (как и Герцен до поры до времени) писали и издавали за рубежом *свое*, ими самими написанное, — это был как бы личный акт несогласия и протеста против самодержавия. Герцен основал Вольную русскую типографию, то есть предоставил свой типографский станок в распоряжение *всем* проявлениям свободной русской мысли⁷, создал для каждого

⁷ «Новым в деятельности Вольной типографии, — пишет Н. Эйдельман, — была борьба за максимально возможную в тех условиях широкую *массовую основу*» (*Эйдельман Н. Я.* Тайные корреспонденты «Полярной звезды». М.: Наука, 1966. С. 258).

вольнодумного русского человека возможность высказаться, некую гарантию, что мысль не погибнет. Он желал сделать свою типографию и свои издания «убежищем всех рукописей, тонущих в императорской цензуре, всех изувеченных ею» (*Герцен*, XII, 270). Герцен прекрасно знал нравы российской полицейской машины, потому и восклицал: «Рукописи погибли наконец, — их надобно закрепить печатью» (*Герцен*, XII, 270). Чаадаев советовал ему сродниться с каким-либо западноевропейским языком: и в самом деле, первые работы Герцена писались им и печатались по-французски и по-немецки — «С того берега», «О развитии революционных идей в России» и т. д. Герцен считал, что путь обычного эмигрантства им уже пройден, он снимает с себя «вериги чужого языка» и снова принимается «за родную речь» (*Герцен*, XII, 62).

В своей типографии он издает сборники «Голоса из России», альманах «Полярная звезда» и, наконец, самый популярный орган бесцензурной печати — газету «Колокол». Чаадаев как-то написал, что символ России — колокол, который не звонит (имея в виду Царь-колокол как проявление рабской немоты русской культуры). Словно бы в ответ басманному мыслителю Герцен принялся звонить в колокол, «звя живых», тех, кто еще способен проснуться от «мертвого сна» николаевского царствования.

Но кого он будил? К кому обращался? Кого должны были воспитывать литература и искусство? Очевидно, то просвещенное меньшинство, которое было потребителем и почвой великой русской культуры. Вопрос более страшный — кто его услышал, истолковал и создал то, что возникло в результате двух революций? Ведь задача Герцена была (аннибалова клятва об этом!) не перестроить Россию, не реформировать, а разрушить Империю, которая скрепляла страну, пыталась шаг за шагом давать свободы разным социальным слоям, то есть шла, строго говоря, английским путем.

России достается унаследовать европейские достижения в области духа и прежде всего идеи социализма, которые рано или поздно приведут к революции: «В социализме встретится Русь с революцией» (*Герцен*, XII, 86). Это постоянное упование на революционизирующую

роль Слова, искусства и литературы в том числе пронизывает все творчество Герцена. Слово воспитывает настоящих революционеров, которые потом прояснят русскому народу великие основы его быта и, объединив с ним усилия, свергнут самодержавие.

Но именно по вопросу о роли литературы Герцена ждало первое столкновение с молодыми демократами. В 1859 году «Современник» напечатал статью Добролюбова «Литературные мелочи прошлого года». Молодой критик с решительностью поставил под сомнение непосредственную возможность литературы как-то повлиять на развитие революционного процесса в России. Искусство, писал Добролюбов, может споспешествовать активному действию, но не входит в его задачи само это действие, искусство должно служить высшим идеалам, служение же мелкой «злобе дня» только губит его:

Прочность успеха может принадлежать только тем явлениям, которые захватывают вопросы далекого будущего, или тем, в которых есть высший, общечеловеческий интерес <...> Писатель, умеющий достойным образом выразить в своих произведениях чистоту и силу этих высших идей и ощущений, становится понятным всякому человеку и вследствие того, не ограничиваясь уже ни отдельным народом, ни временем, переходит в века с титулом мирового гения⁸.

Герцен ответил Добролюбову (статья «Very dangerous!!!»), подчеркнуто объединив «Современник» с «Библиотекой для чтения», где ведущим критиком был в тот момент Дружинин. Почему же Герцен и Огарев включили «Современник» в число тех, кто защищает теорию «искусства для искусства»? В статье «Памяти художника» («Полярная звезда», 1859, кн. V) Огарев прямо заявлял, что «чистое искусство» вышло из диссертации Чернышевского, и предрекал «Современнику» получение Владимирского креста, а

⁸ Добролюбов Н. А. Собр. соч. в 9 тт. Т. 4. М.: Художественная литература, 1962. С. 437.

Герцен ему же — «*Станислава на шею*» (Герцен, XIV, 121), убеждая публику, что в позиции «Современника» очевидно некое «подсвистывание» правительству. Именно этот упрек Герцена Чернышевскому в *прислуживании правительству* наши исследователи пропускают мимо глаз.

В том же году Чернышевский ездил в Лондон к Герцену, где надеялся увести его от анархистско-радикалистского пафоса, напомнив о европейских принципах полемики, предложив ему, строго говоря, парламентарную, а не революционную программу.

Герцен извинился перед «Современником», но спустя год в статье «Лишние люди и желчевики» снова повторил свои инвективы.

На поездке Чернышевского в Лондон стоит задержаться. Сошлюсь на рассуждение Владимира Соловьева: «Чернышевский был обвиняем, главным образом, на трех основаниях: 1) преступные сношения его с эмигрантом Герценом, 2) участие в составлении и напечатании прокламации к крестьянам и 3) письмо к поэту Плещееву преступного содержания».

Остановлюсь на первом пункте, имеющем отношение к моей теме. Соловьев категорически разводит Чернышевского и Герцена: «По первому пункту выяснилось, что, когда в 1861 г. журнал “Современник” был подвергнут непродолжительной приостановке, Герцен обратился через одного общего знакомого к Чернышевскому с предложением перенести издание за границу, на что получил решительный отказ <...> При этом оказалось, что вообще к замыслам Герцена относительно революционной агитации Чернышевский относился отрицательно, и поддерживать обвинение по этому пункту найдено было совершенно невозможным»⁹.

Похвально отзываясь о «Современнике», Герцен тем не менее дал исторический генезис «желчевиков» как порожд-

⁹ Соловьев В. С. Из литературных воспоминаний. Н. Г. Чернышевский // Соловьев В. С. Сочинения. В 2 тт. Т. 2. М.: Правда, 1989. С. 644.

дения самых мрачных годов «николаевщины»: вот почему они «слишком угрюмы, слишком действуют на нервы» (Герцен, XIV, 322), лишены веры в «идеалы», одушевляющие Герцена и его друзей, в скорую победу «русского социализма»: «Что нас поразило в них, — это легость, с которой они отчаивались во всем, злая радость их отрицания и страшная беспощадность» (Герцен, XIV, 322). Герцен полагает, что хотя и «лишние люди», и «желчевики» уже сойдут и сойдут с исторической сцены, но через голову «желчевиков», *через «болезненное поколение» Чернышевского и Добролюбова лучшим представителям «лишних людей» удастся «протянуть руку кряжу свежесму, который кротко простится с нами и пойдет своей широкой дорогой»* (курсив мой. — В. К.), то есть сверхрадикалам «Молодой России» (Герцен, XIV, 322).

И в начале 1860-х происходит уже серьезное столкновение Герцена и ученика академика А. Никитенко, одного из самых трагических мыслителей России — Николая Чернышевского, сохранившего, возможно благодаря учителю, представление о необходимости постепенного развития общества. Волюнтаризм герценовской позиции сказался и в его призывах 1861 года в «Колоколе». Никитенко отреагировал на них достаточно жестко: «Не пришлось бы нам удивить мир бессмыслием наших драк, наших пожаров, нашего поклонения беглому апостолу Герцену, из Лондона, из безопасного приюта командующему на русских площадях бунтующими мальчишками»¹⁰. Это было время разрозненных крестьянских бунтов, студенческих волнений, жестоко и кроваво подавляемых самодержавием.

И в своей знаменитой прокламации «Барским крестьянам от их доброжелателей поклон» Чернышевский призывал: «Покуда пора не пришла, надо силу беречь, себя напрасно в беду не вводить <...> А мы все люди русские и промеж вас находимся, только до поры до времени не от-

¹⁰ Никитенко А. В. Дневник. В 3 тт. Т. 2. Л.: ГИХЛ, 1955—1956. С. 279.

крываемся, потому что на доброе дело себя бережем, как и вас просим, чтобы вы себя берегли» (*Чернышевский*, VII, 524). Обращения же Герцена к студенчеству звучали провокационно и безжалостно: «Не жалеете вашей крови. Раны ваши святы, вы открываете новую эру нашей истории...» (*Герцен*, XV, 185).

Стоит посмотреть, как соотносились претензии Герцена к кругу «Современника» с его общей концепцией развития русской культуры и истории. Тогда понятнее станет и ответ Чернышевского. Герцен полагал: «Мы свободны от прошлого, ибо прошлое наше пусто, бедно и ограничено» (*Герцен*, VII, 242).

Это была, пожалуй, одна из самых крупных его ошибок. Развивая эту мысль, он неоднократно повторял, что народам, свободным от прошлого, гораздо легче совершить исторический путь, начать собой новую эпоху; что сложно европейцам с их многовековой культурной традицией — перейти к социализму, — то просто для России, лишенной исторических воспоминаний. В такой стране сила слова становится огромной. С этим связана и идея Герцена о конце Европы, так сказать, нового Древнего Рима, или, во всяком случае, о ее неспособности вступить в новую социальную жизнь: хотя «в самом в западном мире родилось святое сомнение <...> ему мешает <...> привычка к своему богатству» (*Герцен*, XIV, 43—44).

Русскую историю Герцен знал по Карамзину, который рассказывал о сменах династий русских князей, почти не учитывая давящего Русь монгольского ига, что позволило потом евразийцам серьезно упрекнуть русскую историографию в непонимании судьбы России. Сам Герцен никогда не занимался реальным исследованием прошлого страны — этнографически и филологически. Между тем первая работа Чернышевского, до сих пор не опубликованная, была посвящена татаро-монгольскому прошлому Руси на материале истории Саратовского края. Начну с отрывка из воспоминаний двоюродного брата Чернышевского А. Пыпина, писавшего, что

татарский язык не был обязателен для всех, но Н. Г. Чернышевский ему учился и, вероятно, довольно успешно.

В то время епископом саратовским и царицынским был довольно известный Иаков (Вечерков), впоследствии архиепископ нижегородский <...> При нем совершались едва ли не первые исследования древней ордынской столицы — Сарая — в прежних пределах Саратовской губернии, за Волгой <...> Без сомнения, в связи с этими исследованиями остатков татарского владычества находилась одна работа, которая исполнена была Н. Г. Чернышевским по поручению или предложению арх. Иакова. Это был довольно подробный обзор топографических названий сел, деревень и урочищ, которые Н. Г. собирал или проверял по огромной подробной карте <...> К этому списку Н. Г. прибавлял татарское написание этих названий и перевод на русский язык¹¹.

Это первая самостоятельная работа Чернышевского «Обзор топографических названий татарского происхождения в Саратовской губернии 1845». Рукопись хранится в РГАЛИ¹². К этому стоит добавить, что в университете Чернышевский был любимым учеником великого филолога И. Срезневского, сидел над житиями и летописями (из письма отцу 1850 года: «Я на днях начал заниматься опять Ипатьевскою летописью. Теперь отделяваю букву Д»; XIV, 174).

Отвечая на первый пункт о свободе России от прошлого, Чернышевский писал: «У нас была история, был резко и твердо выработавшийся характер <...> Переучиваться, переформировываться гораздо труднее, нежели просто учиться и формироваться» (*Чернышевский*, VII, 614—615). И Чернышевский далее перечисляет все эти принципы, воспитанные веками крепостного права, начиная от

¹¹ *Пытин А. Н.* Мои заметки. Саратов: Соотечественник, 1996. С. 64—65. Хотя бы в примечаниях надо отметить, что помимо основных европейских языков, с которых Чернышевский переводил, на которых читал, он свободно знал латынь золотого века — в молодости его любимым автором был Цицерон (на латыни, разумеется). Но также знал он и азиатские языки — татарский, арабский и персидский. Почти евразийская школа, но антиевразийская.

¹² *Озерянский А. С.* Комментарии и примечания // *Пытин А. Н.* Указ. соч. С. 258.

привычки к бесправию до привычки все решать волевым усилием, «силою прихоти». Именно в силу этих «привычек», полагал он, России будет трудно воспользоваться идеями и опытом Запада и гуманизировать культуру, поднять ее до высот предлагаемых ей историей задач. И тут он спорил и с Чаадаевым, и с С. Соловьевым, возлагавшими надежды на петровское преобразование, — слишком хорошо он знал реальность российского прошлого:

Ему (П. Чаадаеву. — В. К.) казалось, — писал Чернышевский, — что Петр Великий нашел свою страну листом белой бумаги, на котором можно написать что угодно. К сожалению, — нет. Были уже написаны на этом листе слова, и в уме самого Петра Великого были написаны те же слова, и он только еще раз повторил их на исписанном листе более крупным шрифтом. Эти слова не «Запад» и не «Европа» <...> звуки их совершенно не таковы: европейские языки не имеют таких звуков. Куда французу или англичанину и вообще какому-то ни было немцу произнести наши *Щ* и *Ы!* Это звуки восточных народов, живущих среди широких степей и необозримых тундр (*Чернышевский*, VII, 610).

По поводу рассуждений о «закате Европы» и уподобления этого процесса гибели Древнего Рима Чернышевский предлагает свою схему исторического процесса, весьма независимую и отличную от гегелевской. Он резюмирует, обращаясь к Герцену: «Рано, слишком рано заговорили вы о дряхлости западных народов: они еще только начинают жить» (*Чернышевский*, VII, 666). Действительно, говорить о Европе Бальзака, Стендаля и Гюго, Диккенса и Теккерея, Гейне, Гегеля и Фейербаха, Европе, шедшей ко второй промышленной революции, наконец, Европе, дававшей приют политическим изгнанникам, как о типе культуры, пришедшей в упадок и идущей к гибели, было по меньшей мере некорректно. Герцен пытался опереться на славянофилов, которые, требуя от правительства законодательной защиты общины, становятся, как ему казалось, «на практический грунт», вот почему он заявлял: «Мы <...> оставаясь совершенно верными нравственным убеждениям нашим <...> стали гораздо ближе к

московским славянам, чем к западным старообрядцам...» (Герцен, XIV, 160).

Е. Аничков писал:

Все главные лозунги русского революционного движения до самой «Народной воли» провозглашены Герценом. Настоящим вдохновителем революционеров еще во времена «нечаевщины» станет его друг Бакунин. Но Герцен не только позвал основывать тайные типографии, от него же исходит и «Земля и Воля» и «хождение в народ» <...> Провозглашенные им лозунги живы, и ими трепещут и мнутятся, во имя их идет на Голгофу революционного дела новые поколения...¹³

Молодые радикалы (так называемая молодая эмиграция), называя себя наследниками Чернышевского, по сути своей были ближе к той изживаемой уже самим Герценом волюнтаристской идее «русского социализма», противопоставления русской общины западному рабочему движению, с чем боролся Чернышевский. «Впоследствии его (Чернышевского.— В. К.) ученики не смогут удержаться на высоте взглядов учителя, — справедливо замечает И. Пантин. — Акценты сместятся, пропорции будут изменены. Перспектива движения будет объявлена непосредственной задачей борьбы, а община превратится в единственное и всепасающее средство от любых социальных зол. Герцен в сознании большинства революционных народников одержит верх над Чернышевским»¹⁴.

А Чернышевский, прочитав уже в Вильюйске «Капитал», не принял марксизма как объяснения русской жизни. Ведь еще на воле он писал: «Говорят: нам легко воспользоваться уроками западной истории. Но ведь пользоваться уроком может только тот, кто понимает его, кто достаточно приготовлен, довольно просвещен. *Когда мы будем так же просве-*

¹³ Аничков Е. В. Две струи русской общественной мысли. Герцен и Чернышевский в 1862 г. // Записки русского научного института в Белграде. Вып. I. Белград, 1930. С. 234–235.

¹⁴ Пантин И. К. Социалистическая мысль в России: переход от утопии к науке. М.: Политиздат, 1973. С. 101.

щены, как западные народы, только тогда мы будем в состоянии пользоваться их историею, хотя в той слабой степени, в какой пользуются ею сами они» (Чернышевский, VII, 617). Поэтому вначале — просвещение, вначале надо научиться, иначе не только ранним славянофилам, но и пореформенной молодой разночинной интеллигенции так легко покажется этот Запад превзойти! Именно это и доказали крайние радикалы начала 60-х. В прокламации «Молодая Россия» было написано: «Мы изучали историю Запада, и это изучение не прошло даром: мы будем последовательнее не только жалких революционеров 48 года, но и великих террористов 92 года, мы не испугаемся, если увидим, что для ниспровержения современного порядка приходится пролить втрое больше крови, чем пролито якобинцами в 90 годах»¹⁵.

Но не Чернышевский ли звал Русь к топору? Во всяком случае, такое мнение утвердилось в общественном сознании. Пусть серьезные исследователи отрицают этот факт, но так нас партийные учебники учили — вот и выучили, так выгодно было «победившим бесам». Им же практически на слово поверила наша «свободомыслящая» интеллигенция, причислив страдавшего двадцать семь лет в Сибири мыслителя к бесовскому ведомству, не удосужившись почитать его тексты.

Роман «Что делать?» — против российского произвола

Кто же был автором злополучного и провокационного «Письма из провинции» (1860), опубликованного в «Колоколе», где вполне серьезно утверждалось: «Наше положение ужасно, невыносимо, и только топор может нас избавить, и

¹⁵ Молодая Россия // Революционный радикализм в России. С. 146. Надо сказать, хоть в сноске, что этот сборник — самое полное документальное собрание высказываний русских крайних радикалов, дающее наконец-то реальное представление о том, на каких идеях вырастала ленинская партия большевиков. Тираж этой ценнейшей книжки, к сожалению, всего 1 000 экземпляров.

ничто, кроме топора, не поможет!»¹⁶? И подписался этот автор не как-нибудь, а в твердой уверенности, что выражает мнение *всех*, — «Русский человек», показывая тем самым, что сущность национальной психеи, достижение национального единства видит в кровавой мясницкой резне. Но к стихийной, *разбойничьей* революции призывал Бакунин, идею разбоя взяли на вооружение Ткачев и Нечаев. А Чернышевского с Нечаевым все же сумели развести историки русской философии из «шестидесятников»¹⁷.

Сейчас уже ни для кого не секрет, что автором этого страшного письма был Огарев, писавший его в доме Герцена, а из соседней комнаты Герцен писал мягкие возражения. Стоит подчеркнуть, что в предисловии «От редакции» к пресловутому письму Герцен не раз *называет это письмо дружеским*, что вряд ли бы он сделал по отношению к Чернышевскому и Добролюбову, о которых он всего год назад опубликовал статью «Very dangerous!!!», где называл оппонентов «милыми паяцами» и предсказывал им правительственную службу и «Станислава на шею». Вряд ли не отметил бы он радикальный переход Чернышевского к сверхреволюционности.

Помню, в разговоре с Н. Эйдельманом я как-то заметил, что отрицаю авторство Чернышевского, ибо автор этого письма говорит, что жил в «глухой провинции» в пору Крымской войны. Между тем в это время юный мыслитель уже переехал в Петербург, а в провинции застрял совсем другой человек, будущий эмигрант. «Вы намекаете на Огарева? — задумчиво так спросил Н. Я. — Действительно, “Р. Ч.” и “Русский человек” его постоянные псевдонимы. Но чтобы друг Герцена — вряд ли... Во всяком случае, ясно, что это не Чернышевский». Я не думал тогда об Огареве, но быстрая реакция Эйдельмана показала, что он-то думал именно о нем.

¹⁶ Письмо из провинции // Революционный радикализм в России. С. 84.

¹⁷ См., например: Володин А. И., Карякин Ю. Ф., Плимак Е. Г. Чернышевский или Нечаев? М.: Мысль, 1976.

И правда, Огарев, активно поддержавший Нечаева и друживший во второй эмигрантской жизни скорее не с Герценом, а с Бакуниным, называвшим страсть к разрушению творческой страстью, больше подходил этому письму, нежели ироничный и осторожный Чернышевский, считавший самым важным не гибель, а жизнь человека. В конце 60-х Огарев выступил уже открыто с самыми бешеными призывами к насилию в стилизованном стихе-прокламации «Гой, ребята, люди русские!..»:

Припасайте петли крепкие
На дворянские шеи тонкие!
Добывайте ножи острые
На поповские груди белые!
Подымайтесь, добры молодцы,
На разбой — дело великое!

Именно против разбоя — весь пафос Чернышевского.

Обратимся к роману, который, по мнению радикалов, и звал их к действию радикальному. Начну с высказывания о. Сергия Булгакова: «Наши “реалисты” только пугают своим аморализмом, а на самом деле люди очень благонамеренные и в высшей степени добродетельные <...> Как это напоминает героев романа Чернышевского “Что делать?”, которые, усвоив совершенно не свойственную им утилитарную мораль, старательно оправдываются от всякого добродетельного поступка, доказывая, что он проистекает из соображений личной пользы»¹⁸. Иными словами, почти полвека спустя после выхода романа великий религиозный мыслитель увидел в героях Чернышевского не злобных нигилистов, а добрых людей, которые стесняются того, что они добрые.

Правда, И. Паперно пишет: «Этическая система, изложенная в романе “Что делать?” и других сочинениях Чернышевского <...> выводится из систематического

¹⁸ *Булгаков С. Н.* О реалистическом мировоззрении (Несколько слов по поводу выхода в свет сборника «Очерки реалистического мирозерцания») // Проблемы идеализма / Сост. и авт. коммент. О. К. Иванцова. М.: РОССПЭН, 2010. С. 648.

пересмотра основных положений православного катехизиса»¹⁹. Но пересмотра она не показывает — напротив, подробно пишет о «богословской основе романа “Что делать?”»²⁰. (Вот что создавалось по образцу православного катехизиса, так это «Катехизис революционера» Нечаева.)

Это была проблема для русской церкви — актуализация православия, которое, по общему мнению, давно не работало. Об омертвлении русской церкви писали многие, даже Достоевский.

Именно об этом думал и сын саратовского протоиерея, пытаясь придать энергию старым религиозным текстам, прочитав их сквозь современную энергичную философию. И Паперно не может об этом не сказать: «Роман пронизывает целая сеть ветхозаветных и новозаветных аллюзий, подсказывая, что перед ним (читателем. — В. К.) текст, имеющий своей целью разрешить — в глобальном масштабе — проблемы человеческого существования. Само название романа — “Что делать?”, среди других ассоциаций, приводит на мысль эпизод крещения в Евангелии от Луки (3:10—14) и вопрос, который задавал Иоанну Крестителю приходивший креститься народ: “Что же нам делать?” <...> Подзаголовок “Из рассказов о новых людях” содержит в себе призыв к духовному возрождению человека в подражание Христу»²¹.

Пасквилей, однако, было много. Особенно злобно выступил проф. Цитович, видевший почему-то в Чернышевском тайного уголовного преступника и подводивший все поступки героев под параграфы Уголовного кодекса. При таком подходе, пожалуй, ни одно произведение художественной литературы не избежит обвинений в уголовщине. Даже Катков, поддержавший Цитовича, постарался смягчить его инвективы:

¹⁹ Паперно Ирина. Указ. соч. С. 169.

²⁰ Там же. С. 174.

²¹ Там же. С. 175.

...возвратимся к роману Чернышевского. Теперь, когда прошло более шестнадцать лет с его появления, он становится небезынтересным историческим материалом. Это картина первых времен нигилизма, изображение его в некотором роде золотого века, периода сравнительной невинности. Тот ряд правонарушений, подходящих под уголовный кодекс, какой указан г-ном Цитовичем, еще значительно маскирован, грязь и цинизм еще прикрыты вуалью шаловливости²².

Быть может, не очень правильно возражать на цитату цитатой. Но существенно, что возражение на пасквиль делает не просто профессиональный критик, а архимандрит — современник Чернышевского. Я говорю об архимандрите Феодоре (Бухареве), написавшем в 1863 году:

Я довольно внимательно изучал роман г. Чернышевского «Что делать?». Мне хочется, друзья мои, поговорить с вами об этом романе; хочется передать вам мой о нем отчет. В этом романе выражено много благородных инстинктов <...> Само собой разумеется, что я буду говорить об этом романе не иначе, как следуя правилу слова Божия *отделять честное от недостойного* (Иерем. XV, 19), лучшее от худшего. Если угодно, я пользуюсь романом г. Чернышевского к разъяснению того, что в самом деле надо нам делать при нынешнем умственном и нравственном состоянии нашего общества <...> В отношении к такому великому вопросу роман «Что делать?», действительно, может пособить здравому образу мыслей распутывать путаницу некоторых понятий, грозящих принести человечеству много, много лишних страданий и бедствий!²³

В своем романе Чернышевский проводит все ту же линию — ненасилия над общественной жизнью. Его называют общинником, но он как раз боялся законодательного закреп-

²² Катков М. Н. Нигилизм по брошюре проф. Цитовича «Что делали в романе “Что делать?”» // Катков М. Н. Имперское слово. М.: Москва, 2012. С. 360.

²³ Архимандрит Феодор (А. М. Бухарев). О духовных потребностях жизни. М.: Столица, 1991. С. 117.

пления общины. Славянофилы во время реформ настояли на *обязательности* общинной формы хозяйства, а поскольку фискальный ее смысл был ясен и государству, то оно приняло требование славянофилов, закрепив ту общину, с которой потом пытался бороться Столыпин и которую в форме колхозов восстановил Сталин. Надевшийся на то, что община сможет быть защитой личности от внешних притеснений, Чернышевский категорически выступил против насильственного навязывания общинности, ибо это было не защитой личности, а, напротив, ее притеснением.

Об этом же и пресловутая осмеянная либералами (которые потом аплодировали большевикам) Вера Павловна, устраивая свою мастерскую, говорила работницам: «Надобно вам сказать, что я без вас ничего нового не стану заводить. Только то и будет новое, чего вы сами захотите. Умные люди говорят, что только то и выходит хорошо, что люди сами захотят делать. И я так думаю <...> Без вашего желания ничего не будет». Не наблюдается ли в этом некая последовательность?.. Экспериментов на людях, как большевики, Чернышевский ставить не хотел. Это внятно прописал Николай Лесков, которого не услышали:

Стало быть, *что же делать?* По идее г. Чернышевского, освободиться от природного эписиерства²⁴, откинуть узкие теории, не дающие никому счастья, и посвятить себя труду на основаниях, представляющих возможно более гармонии, в равном интересе всех лиц трудящихся. Г-н Чернышевский, как *нигилист*, и, судя по его роману, *нигилист-постепеновец*, не навязывает здесь ни одной из теорий <...>

Где же тут Марат верхом на Пугачеве? Где тут утопист Томас Мор? <...> г. Чернышевский заставляет делать такое дело, которое можно сделать во всяком благоустроенном государстве, от Кореи до Лиссабона. Нужно только для этого *добрых людей*, каких вывел г. Чернышевский, а их, признать-ся сказать, очень мало²⁵.

²⁴ Эписиерство (от франц. еписиер — бакалейный торговец, лавочник, человек узких взглядов) — торгашество, узорь.

²⁵ Лесков Н. С. Николай Гаврилович Чернышевский в его романе «Что делать?» // http://az.lib.ru/l/leskow_n_s/text_001141.shtml

Или не захотели услышать. Миф о Чернышевском-Марате уже насаждался. Лесков пытался этот миф опровергнуть. Герцен всех виноватил. Чернышевский всех прощал, виноватых не видел. Поэтому хотел просто понять, что делать. Он хотел в крепостной стране ввести освобождающие человека буржуазные структуры. Слова «что делать» не привыкшая к труду русская молодежь поняла как призыв к действию, то есть к революционному действию — стрелять и взрывать.

Герои Чернышевского — это люди, «ведущие вольную жизнь труда». На вопрос «Что делать?» мыслитель отвечал — трудиться! Но прочитали его вопрос соотечественники, не только современники, но и потомки, совершенно иначе, а уж ответили — словно сами явились из другого измерения.

Неужели призыв к подполью и революции?

Любопытно, что даже не Третье отделение, которое пропустило роман, рассчитывая, что он образумит рьяных радикалов, а именно сторонники «чистого искусства» (такие крупные, как Боткин и Фет) увидели в нем революционную агитку:

Повторяем: о личном таланте автора не стоило бы говорить. Но в романе «Что делать» каждая мысль, каждое слово — дидактика, каждая фраза выражает принцип. Этого нельзя пройти молчанием. Жалкие усилия паука подняться за орлом в настоящем случае — не слово, а дело. Они предназначаются стать в глазах неофитов примером великодушнейшего нахальства и великолепнонейшей наглости, полагаемых в краеугольный камень доктрины²⁶.

²⁶ Статья А. А. Фета о романе Н. Г. Чернышевского «Что делать?» / Вступ. статья Ю. Стеклова, публ. и коммент. Г. Волкова // Литературное наследство. Т. 25—26: Литературная и общественная мысль 1860-х годов. М.: Журнально-газетное объединение, 1936. С. 491.

А уж затем роман только так и читался радикалами, особенно социалистического толка. Именно Чернышевский казался учителем революционной деятельности. Не хуже Ткачева и Нечаева. Ленин заявил, что роман Чернышевского его «перепахал». Сегодня мы уже понимаем, хотя бы на примере Ницше и Гитлера, как можно не просто читать, но и вчитывать в написанное свои мысли.

Либерал советского разлива Е. Плимак, пытавшийся вывести Чернышевского за пределы людоедской революционности, в прогрессивной на тот момент книге писал: «Борьбу за создание революционной организации, призванной возглавить грядущую народную революцию, Чернышевский продолжит и в стенах Петропавловской крепости. Призыв уходить в подполье, создавать подполье донес до оставшихся на воле друзей-читателей написанный здесь роман “Что делать?”»²⁷. Думая противопоставить Чернышевского Нечаеву, Плимак фактически отождествил их, приписав Чернышевскому создание подполья, тайной организации революционеров.

Неужели мастерские Веры Павловны — это подпольная организация? А ведь это главная организационная структура, которую предлагает Чернышевский. Лесков увидел в этом отказ от нигилизма и призыв к буржуазному предпринимательству, к буржуазному труду, построенному на выгоде. Похоже, он был прав. Обращусь снова к Бухареву — человек религиозный, наблюдательный, да и современник:

Роман «Что делать?» <...> создал свои мастерские, а там уж как хотите <...> Вера Христовых учеников может вырастить и из земли народных умов и сердец какое бы то ни было укоренившееся и развившееся на этой земле дерево нечеловеческих взаимных отношений между людьми, весьма обыкновенных у народа особенно в снискании способов к удовлетворению насущных потребностей жизни. И пусть эта вера не сужает при этом своего взгляда, не ограничивается двумя или

²⁷ Володин А. И., Карякин Ю. Ф., Плимак Е. Г. Указ. соч. С. 164.

тремя мастерскими, но, напротив, пусть обнимает всякие рабочие среды в народе, все мастерские и сведет их в одну ту мастерскую, где хозяйкой, готовой войти во все и действовать во всем для изгнания отовсюду зла, только бы через веру дали ей место, оказывается сама благодать Божия, которая, ради воплощения Сына Божия, не чуждается человека ни в какой чернорабочей среде телесных трудов²⁸.

Как же это можно было перетолковать?

Другой современник и противник Чернышевского, профессор Цион, тем не менее достаточно точно показал, как в призыве к буржуазному предпринимательству увидели призыв к бомбометанию: европеец

спросит вас: кто такой Чернышевский? Вы ему ответите и скажете, что Чернышевский написал плохой, по мнению самих же нигилистов <...> роман «Что делать?», сделавшийся, однако, евангелием нигилистов. Вы ему покажете книжку Степняка, где он на стр. 23 увидит, что роман «*Que faire?*» предписывает троицу идеалов: *независимость ума, интеллигентную подругу и занятие по вкусу*. Первые две вещи нигилист «нашел под рукой» <...> Оставалась третья заповедь — «найти занятие по вкусу». Долго нигилисты колебались и были в отчаянии, что не могли раскусить мысли Чернышевского <...> Но вот наступил 1871 год!.. Он в волнении следил за перипетиями страшной драмы, происходившей на берегах Сены <...> Ответ был найден. Теперь юноша знает, что он обязан сделать, чтобы остаться верным третьей заповеди романа Чернышевского. Парижская коммуна послужила ему комментарием для романа!²⁹

Вот и ответ на то, как переосмыслялся роман, звавший к мирной деятельности.

В романе «Братья Карамазовы» Достоевский, в сущности, обращается к этой же теме. В четвертой части, в книге

²⁸ *Архимандрит Феодор (А. М. Бухарев)*. Указ. соч. С. 138.

²⁹ Цион И. Ф. Нигилисты и нигилизм // *Русский вестник*. 1886. № 6.

десятой под названием «Мальчики», Алеша беседует с ранним свободомыслом Колей Красоткиным. Прочитавший один номер «Колокола», но считающий себя последователем Герцена, мальчик Коля Красоткин говорит: «И если хотите, я не против Христа. Это была вполне гуманная личность, и живи он в наше время, он бы прямо примкнул к революционерам и, может быть, играл бы видную роль... Это даже непременно». Но по религиозному невежеству мальчика Коли, Белинского и Герцена забывается, что такой персонаж в Евангелии выведен — это Варавва, которого толпа потребовала освободить вместо Христа. Как сказано в Евангелии от Марка: «Тогда был в узах *некто*, по имени Варавва, со своими сообщниками, которые во время мятежа сделали убийство <...> Пилат сказал им: какое же зло сделал Он? Но они еще сильнее закричали: распни Его. Тогда Пилат, желая сделать угодное народу, отпустил им Варавву, а Иисуса, бив, предал на распятие» (Мк 15:7—15). И в Евангелии от Луки: «Но весь народ стал кричать: смерть Ему! а отпусти нам Варавву. Варавва был посажен в темницу за произведенное в городе возмущение и убийство» (Лк 23:18—19).

Иными словами, мятежник, революционер был отпущен на волю. Призывавший в своем романе всего-навсего к началу буржуазного предпринимательства был осужден на каторгу и сибирское поселение. Но текст Чернышевского был прочитан революционно.

Путь мыслителя к казни и жизнь после казни

Герцен свое вольное книгопечатание начал угрозой (1853), еще до всяких восстаний в селе Бездна (название символическое — в эту *Бездну* потом и рухнула Россия) пообещав новую пугачевщину: «Страшна и Пугачевщина, но скажем откровенно, если освобождение крестьян не может быть куплено иначе, то и тогда оно не дорого куплено»³⁰.

³⁰ Герцен А. И. Юрьев день! Юрьев день! // Революционный радикализм в России. С. 57.

«Герцен мне говорил, — писал Достоевский, — что Чернышевский произвел на него неприятное впечатление, то есть наружностью, манерою. Мне наружность и манера Чернышевского нравились»³¹. Расхождение двух публицистов, пытавшихся влиять на умы, стало для него очевидно, очевидна и неприязнь Герцена к Чернышевскому. Но после призывов Герцена к пугачевщине Достоевский рассчитывать на него не мог. И после появления прокламации «Молодой России» он пришел к Чернышевскому с просьбой образумить радикалов — в надежде, что они его послушаются.

Достоевский вспоминал этот разговор в 1873 году, спустя 12 лет. Приведу его подробнее:

Однажды утром я нашел у дверей моей квартиры, на ручке замка, одну из самых замечательных прокламаций изо всех, которые тогда появлялись; а появлялось их тогда довольно. Она называлась «К молодому поколению». Ничего нельзя было представить нелепее и глупее. Содержания возмутительного, в самой смешной форме, какую только их злодей мог бы им выдумать, чтобы их же зарезать. Мне ужасно стало досадно и было грустно весь день. Все это было тогда еще внове и до того вблизи, что даже и в этих людей вполне всмотреться было тогда еще трудно. Трудно именно потому, что как-то не верилось, чтобы под всей этой сумятицей скрывался такой пустяк. Я не про движение тогдашнее говорю, в его целом, а говорю только про людей. Что до движения, то это было тяжелое, болезненное, но роковое своею историческою последовательностию явление, которое будет иметь свою серьезную страницу в петербургском периоде нашей истории <...>

— Неужели они так глупы и смешны? Неужели нельзя остановить их и прекратить эту мерзость?

Он чрезвычайно веско и внушительно отвечал:

— Неужели вы предполагаете, что я солидарен с ними, и думаете, что я мог участвовать в составлении этой бумажки?

³¹ Достоевский Ф. М. Нечто личное // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. в 30 тт. Т. 21. Л.: Наука, 1980. С. 25.

— Именно не предполагал, — отвечал я, — и даже считаю ненужным вас в том уверять. Но во всяком случае их надо остановить во что бы ни стало. Ваше слово для них веско, и, уж конечно, они боятся вашего мнения.

— Я никого из них не знаю.

— Уверен и в этом. Но вовсе и не нужно их знать и говорить с ними лично. Вам стоит только вслух где-нибудь заявить ваше порицание, и это дойдет до них.

— Может, и не произведет действия³².

Они и вправду не слушались. Он стал для них идолом, которого все называли учителем, но учиться у него не хотели. Это идолопоклонничество, царившее вокруг мыслителя, отмечали многие (скажем, С. Соловьев). Идола могли мазать жертвенной кровью, но вкладывали в его уста лишь то, что сами хотели услышать. Клянясь его именем, перечили самой сути его учения (особенно явно потом это проделал Ленин). Поэтому не только эта, но и написанная вроде бы сторонником Чернышевского Н. Шелгуновым прокламация была выпадом-ответом на прокламацию *учителя*, да и на всю его деятельность. Скажем, Чернышевский предлагал крестьянам брать за образец социальное и политическое устройство Западной Европы (французов и англичан):

У французов да и англичан крепостного народа нет <...> У них и царь над народом не властен, а народ над царем властен. Потому что у них царь, значит, для всего народа староста, и народ, значит, над этим старостою, над царем-то, начальствует <...> И при царе тоже можно хорошо жить, как англичане и французы живут³³.

А нигилисты возражали, да резко:

Хотят сделать из России Англию и напитать нас английской зрелостью <...> Нет, мы не хотим английской экономи-

³² Достоевский Ф. М. Указ. соч. С. 25—26.

³³ Чернышевский Н. Г. [Барским крестьянам от их доброжелателей поклон] // Революционный радикализм в России. С. 89, 90.

чешской зрелости, она не может вариться русским желудком <...> Мы не только можем, мы должны прийти к другому. В нашей жизни лежат начала вовсе не известные европейцам. Немцы уверяют, что мы придем к тому же, к чему пришла Европа. Это ложь <...> Европа не понимает, да и не может понять, наших социальных стремлений; значит, она нам не учитель в экономических вопросах. Никто нейдет так далеко в отрицании, как мы, русские <...> У нас нет страха перед будущим, как у Западной Европы; вот отчего мы смело идем навстречу революции; мы даже желаем ее³⁴.

Даже гражданская казнь Чернышевского послужила Герцену поводом для сведения счетов и ругани вместо анализа случившегося, который он при его способностях, казалось бы, мог дать. Ни слова он не сказал о Чернышевском, о его позиции, о его понимании России. Хотя стоило бы честно написать, что не Чернышевский звал к бунту, — из Лондона это можно было безопасно делать. Но тогда пришлось бы признать себя главным подстрекателем. Поразительна в этом контексте заметка Герцена в «Колоколе», в которой он ни слова не сказал о деятельности Чернышевского, его идеях, а использовал его казнь как повод к возмущению радикалов. Похоже, роль Вараввы³⁵ покоя ему не давала, тем более что позорный столб Чернышевского он сравнил с крестом Христа. Спич Герцена стоит привести целиком, он невелик:

Н. Г. Чернышевский

Чернышевский осужден на семь лет каторжной работы и на вечное поселение. Да падет проклятием это безмерное злодейство на правительство, на общество, на подлую, подкупную журналистику, которая накликала это гонение, раздула его из личностей. Она приучила правительство к убийствам

³⁴ К молодому поколению // Революционный радикализм в России. С. 98, 99, 100.

³⁵ Замечу, что Варавву, как и Христа, звали Иисусом.

военнопленных в Польше, а в России к утверждению сентенций диких невежд сената и седых злодеев государственного совета... А тут жалкие люди, люди-трава, люди-слизняки говорят, что не следует бранить эту шайку разбойников и негодьяв, которая управляет нами!

«Инвалид» недавно спрашивал, где же новая Россия, за которую бил Гарибальди. Видно, она не вся «за Днепром», когда жертва падает за жертвой... Как же согласовать дикие казни, дикие кары правительства и уверенность в безмятежном покое его писак? Или что же думает редактор «Инвалида» о правительстве, которое без всякой опасности, без всякой причины расстреливает молодых офицеров, ссылает Михайлова, Обручева, Мартыянова, Красовского, Трувелье, двадцать других, наконец, Чернышевского в каторжную работу.

И это-то царствование мы приветствовали лет десять тому назад!

Р. С. Строки эти были написаны, когда мы прочли следующее в письме одного очевидца экзекуции: «Чернышевский сильно изменился, бледное лицо его опухло и носит следы скорбута. Его поставили на колени, переломили шпагу и выставили на четверть часа у позорного столба. Какая-то девица бросила в карету Чернышевского венки — ее арестовали. Известный литератор П. Якушкин крикнул ему “прощай!” и был арестован. Ссылая Михайлова и Обручева, они делали выставку в 4 часа утра, теперь — белым днем!..»

Поздравляем всех различных Катковых — над этим врагом они восторжествовали! Ну что, легко им на душе?

Чернышевский был вами выставлен к столбу на четверть часа³⁶ — а вы, а Россия на сколько лет останетесь привязанными к нему?³⁷

³⁶ Неужели никто из русских художников не нарисует картины, представляющей Чернышевского у позорного столба? Этот обличительный холст будет образ для будущих поколений и закрепит шельмование тупых злодеев, привязывающих мысль человеческую к столбу преступников, делая его товарищем креста (прим. А. И. Герцена).

³⁷ Герцен А. И. Н. Г. Чернышевский // Герцен А. И. Избранные труды / Сост., авт. вступ. и коммент. В. К. Кантор. М.: РОССПЭН, 2010. С. 590.

Герцен просто воспользовался казнью своего противника для нового призыва к бунту. Очень непродуктивное чувство: к мести ни Христос, ни Чернышевский не призывали. Так некогда нашли виноватых в евреях и мстили им несколько тысячелетий. А теперь Герцен нашел виноватых в русском обществе, в русской журналистике, в своих оппонентах (типа Каткова), упрекавших его, что он зовет народ к топору. Чичерин писал, что надо противопоставить правительственному произволу закон, об этом же говорил Чернышевский, но им досталось от человека из Лондона: «А тут жалкие люди, люди-трава, люди-слизняки говорят, что не следует бранить эту шайку разбойников и негодяев, которая управляет нами!» Противопоставить самодержавному произволу, шайке разбойников, как Августин называл любое правительство, власть разбойничьего бунта вело только к еще большему произволу. Напомню, что писал Чернышевский, опасавшийся обращаться к народу с революционными призывами: «Он не пощадит и нашей науки, нашей поэзии, наших искусств; он станет уничтожать всю нашу цивилизацию» (*Чернышевский*, X, 92). Но это был период в жизни Герцена, если так можно выразиться, бакунинско-нечаевский. Опомнится он только перед смертью.

Поразительно, как совпали в неприятии идей Чернышевского и нигилисты, и самодержавие. Обе эти силы, вроде бы противостоявшие друг другу, все в России хотели делать силой прихоти, силой произвола. Впрочем, как не раз замечалось и в западной, и в нашей литературе, радикальные нигилисты и большевики, по сути, отражали худшие черты самодержавия, да еще в гротескно увеличенном виде. Конечно, портреты Чернышевского после казни повисли на стенках в каждой интеллигентной и тем более нигилистически настроенной семье, кружке, квартире. Так в застойные времена диссидентствующих узнавали по портретам Солженицына в рамочке. Эту славу революционера-страдальца подарило Чернышевскому самодержавие. В ней он не нуждался. Но она была тем сильнее, чем незаконнее выглядело решение суда.

Сознание государственного произвола по отношению к независимому мыслителю было всеобщим, особенно яв-

но у *русских европейцев*. По воспоминаниям очевидцев, «А. К. Толстой, близко осведомленный о деталях процесса несчастного Чернышевского, решился замолвить государю слово за осужденного, которого он отчасти знал лично». На вопрос Александра II, что делается в литературе, граф Алексей Константинович Толстой ответил: «Русская литература надела траур по поводу несправедливого осуждения Чернышевского»³⁸.

Интересно продолжение беседы:

Но государь не дал Толстому даже и окончить его фразы: «Прошу тебя, Толстой, *никогда* не напоминать мне о Чернышевском», — проговорил он недовольным и непривычно строгим голосом и затем, отвернувшись в сторону, дал понять, что беседа их кончена.

Очевидно, сильно досадила императору строптивая независимость петропавловского узника, не молившего о помиловании, а самим фактом своего поведения во время процесса и несправедливого осуждения — с царского соизволения — словно нарочно бросавшего тень на царствование Освободителя и ставившего под сомнение результативность Великих реформ. Это была проблема, а проблем самодержавие, к несчастью, решать не желало.

Надо сказать, что, видимо, судьба Чернышевского волновала императора и в 1874 году: он послал в Вилуйск к Чернышевскому предложение просить помилования. И получил отказ, поскольку тот не считал себя виноватым. Надо вспомнить, сколько реально виноватых русских писателей молили власть о пощаде и помиловании — от Радищева до Бакунина.

Стоит привести эту историю, которую не помнят бражнящие Чернышевского как предвестника большевизма: его судьбу решали на самом верху, думали его облагодетельствовать. В 1874 году в Вилуйск была направлена

³⁸ Из воспоминаний А. А. Толстой // *Толстой А. К. О литературе и искусстве*. М.: Современник, 1986. С. 117.

«из Петербурга бумага, приблизительно такого содержания: “Если государственный преступник Чернышевский подаст прошение о помиловании, то он может надеяться на освобождение его из Вилуйска, а со временем и на возвращение на родину”»³⁹. И полковник Г. Винников, адъютант генерал-губернатора Восточной Сибири, был послан с целью побудить Чернышевского подать царю просьбу о помиловании.

Вот что об этом рассказывает сам Винников:

Я приступил прямо к делу: «Николай Гаврилович! Я послан в Вилуйск со специальным поручением от генерал-губернатора именно к вам. Вот, не угодно ли прочесть и дать мне положительный ответ в ту или другую сторону». И я подал ему бумагу. Он молча взял, внимательно прочел и, подержав бумагу в руке, может быть, с минуту, возвратил ее мне обратно и, привставая на ноги, сказал: «Благодарю. Но видите ли, в чем же я должен просить помилования? Это вопрос... Мне кажется, что я сослан только потому, что моя голова и голова шефа жандармов Шувалова устроены на разный манер, — а об этом разве можно просить помилования? Благодарю вас за труды. От подачи прошения я положительно отказываюсь». По правде сказать, я растерялся и, пожалуй, минуты три стоял настоящим болваном... «Так, значит, отказываетесь, Николай Гаврилович?» — «Положительно отказываюсь!» — и он смотрел на меня просто и спокойно⁴⁰.

Был возмущен этим актом С. Соловьев. А спустя тридцать лет его сын В. Соловьев все с той же страстью негодования на несправедливость напишет: «В деле Чернышевского не было ни суда, ни ошибки, а было только заведомо неправое и насильственное деяние, с заранее составленным намерением. Было решено изъять человека

³⁹ Цит. по: *Демченко А. А.* Н. Г. Чернышевский. Научная биография. Часть четвертая. 1804—1889. Саратов: Саратовский пед. ин-т, 1994. С. 175.

⁴⁰ Там же. С. 178—179.

из среды живых, — и решение исполнено. Искали поводов, поводов не нашли, обошлись и без поводов»⁴¹.

Не случайно шутили в советское время, что некоторых русских царей необходимо посмертно наградить орденом Октябрьской Революции за создание революционной ситуации в стране. Это надо уметь — выкинуть из жизни человека, который мог воздействовать благотворно на развитие страны, выкинуть из страха перед его самостоятельностью и независимостью!

Обратимся к В. Розанову, человеку неожиданных, но точных, как правило, характеристик, чтоб оценить *государственный* масштаб Чернышевского. Розановская неприязнь к Герцену сказалась и в этих словах, зато различинца он поднял на пьедестал:

Конечно, *не использовать* такую кипучую энергию, как у Чернышевского, для государственного строительства — было преступлением, граничащим со злодеянием <...> с самого Петра (I-го) мы не наблюдаем еще природы, у которой каждый час бы *дышал*, каждая минута *жила* и каждый шаг обвеян «заботой об отечестве» <...> Каким образом наш вялый, безжизненный, не знающий *где* найти «энергий» и «работников», государственный механизм не воспользовался этой «паровой машиной» или, вернее, «электрическим двигателем» — непостижимо. Что такое все Аксаковы, Ю. Самарин и Хомяков, или «знаменитый» Мордвинов против него как *деятеля*, т. е. как *возможного деятеля*, который зарыл был где-то в снегах Вилюйска? <...> я бы <...> как лицо и энергию поставил его не только во главе министерства, но во главе системы министерств, дав роль Сперанского и «незыблемость» Аракчеева... Такие *лица* рождаются веками; и бросить его в снег и глушь, в ели и болото... это... это... черт знает что такое <...> Именно «перуны» в душе <...> Он был духовный, спиритуалистический «s», ну — а такие орлы крыльев не складывают, а летят и летят, до убоя, до смерти или победы. Не знаю его опытность, да это *и не важно*. В сущности, он был как *государственный*

⁴¹ Соловьев В. С. Указ. соч. С. 649.

деятель (общественно-государственный) выше и Сперанского, и кого-либо из «екатерининских орлов», и бравурного Пестеля, и нелепого Бакунина, и тщеславного Герцена. Он был действительно solo <...> Это — Дизраэли, которого так и не допустили бы пойти дальше «романиста», или Бисмарк, которого за дуэли со студентами обрели бы на всю жизнь «драться на рапирах» и «запретили куда-нибудь принимать на службу». Черт знает что: рок, судьба, и не столько *его*, сколько *России* <...>

Поразительно: ведь это — прямой путь до Цусимы. Еще поразительнее, что с выходом его в *практику* — мы *не имели бы и теоретического нигилизма*. В одной этой действительно замечательной биографии мы подошли к Древу Жизни: но — взяли да и срубили его. Срубили, «чтобы ободрать на лапти» Обломову...⁴²

А уж от цусимского поражения лишь один шаг до первой русской революции и далее. Иными словами, Розанов считал, что губительное преступление самодержавия — испугавшись существования в стране личности такого масштаба, уничтожить его и как деятеля, и как соперника (вины не было!), убрав подальше от способной к самодвижению России. Он бы Россию благоустроил, но его согнали с причитавшегося ему кресла законодателя, а когда свято место стало пусто, место это заняли бесы.

Сохранилась фотография Чернышевского, лежащего уже после причастия и кончины на постели с Библией, зажатой в руках. Не будем говорить о стигматах, но любопытно, что современники Чернышевского увидели сходство покойного с изображениями снятия с креста⁴³. А последние его слова, когда он глянул перед смертью окрест себя, были: «Странное дело — в этой книге ни разу не упоминается о Боге». Родственники не могли понять, о

⁴² Розанов В. В. Уединенное // Розанов В. В. Сочинения в 2 тт. Т. 2. М.: Правда, 1990. С. 207—208.

⁴³ См.: Паперно Ирина. Указ. соч. С. 174.

какой книге он говорил. Но можно и так вообразить, что он всю жизнь читал книгу под названием Россия.

Уже много лет спустя после гибели Чернышевского, после гибели Российской империи один из крупнейших политиков последнего царствования сравнил деятельность Чернышевского с деятельностью Столыпина и других, которые могли бы спасти Россию:

Класс, хотя бы даже дворянско-интеллигентный, все-таки же не только слишком велик, но и главное — слишком открыт постороннему в него проникновению, чтобы можно было говорить о физическом вырождении класса. Из моих детских воспоминаний я сохранил в памяти одну в свое время нашумевшую статью Чернышевского о причинах падения римской империи, где он восставал против ходячего утверждения, будто римляне выродились. Этого, говорил он, быть не может <...> Вы скорбите <...> вспоминая и Столыпина, и Деникина, и Врангеля <...> Вот тут-то я и вижу развращающее влияние режима, который требовал безусловного повиновения, не умея в то же время убедить, что это повиновение ведет к добру и благу государства...⁴⁴

Беда позднего самодержавия в потере петровской харизмы (Петр верил в таланты подданных и лелеял их), в том, что самовластие боялось строителей России, задав парадигму всему русскому будущему, когда в сталинский период уничтожались великие ученые, инженеры, поэты и т. д. Это та бездна рабологии, которая поглощает все лучшие русские силы и судьбы.

⁴⁴ В. А. Маклаков — В. В. Шульгину. 15-го декабря 1924 г. // Спор о России: В. А. Маклаков — В. В. Шульгин. Переписка 1919—1939 гг. / Сост., автор вступ. ст. и примеч. О. В. Будницкий. М.: РОССПЭН, 2012. С. 216—217.

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА «ВОПРОСЫ ЛИТЕРАТУРЫ» ЗА 2013 ГОД (№ 1—6)

ИСТОРИЯ ИДЕЙ

Кантор В. Петр Столыпин в контексте русской культуры. *Феномен длящейся истории* — 3; *Голгофник versus Варавва. К полемике Чернышевского и Герцена о России* — 6.

Махлин В. «Современность» в круге понимания. *К семантике «нового» в Новое время* — 2.

Подоксенов А. Михаил Пришвин и Уильям Джемс. К вопросу о философских контекстах творчества писателя — 5.

Синицын Ф. Советская политика в сфере литературы и «буддийский фактор» (1920—1950-е годы) — 5.

ЛИТЕРАТУРНОЕ СЕГОДНЯ

Амусин М. В Петербурге мы... сойдемся снова? — 1.

Диваков С. Познавший природу тетивы. *О раннем творчестве Саши Соколова* — 1.

Погорелая Е. О трудностях плавания на «встречном течении» — 4.

Татаринов А. Современный роман: важные встречи с небытием — 6.

Букеровская конференция — 3:

Букер-2012: Литературный момент или литературный процесс?

Лица современной литературы — 3:

Аросев Г. Символ великого доверия. *Марина Степнова*;

Иванова Е. Тайна исповеди. *Майя Кучерская*;

Рогова А. Человек системы. *Александр Терехов*.

Pro et contra

Роман Алексея Иванова «Комьюнити» — 4:

Аросев Г. Сквозь цинизм и насилие;

Щербинина Ю. Чума... как много в этом звуке.

Роман М. Степновой «Женщины Лазаря» — 5:

Башкатова А. Полураспад любви;

Пустовая В. Чувство мимимического.

Новейшая антология

Кудрин О. Абакум и Герасим. *Достоинства и недостатки романа — победителя Русского Букера-2012* — 6.

Прохорова Т. Роман Юрия Буйды «Синяя кровь»: жизнь как театр или театр жизни? — 1.

Поэзия в ситуации после-пост-модерна — 2:

Абдуллаев Е. Десятилетие поэзии — или прозы?

Коновалов Е. Поэзия и ее новые имена.

В творческой мастерской

Волков С. «Пасынок державы дикой». Беседу вела *И. Чайковская* — 2.

Маканин В. «С точки зрения времени...» *Беседу вели М. Переяслова, Е. Погорелая* — 1.

Степнова М. «С трясущимися от страсти руками невозможно написать что-то стоящее...» *Беседу вел Г. Аросев* — 5.

ЯЗЫК СОВРЕМЕННОЙ ПОЭЗИИ

О. Э. Мандельштам — 6:

Вайман Н. Кассандра;

Видгоф Л. Французские мотивы. *Нестрогие рассуждения о стихах и прозе О. Мандельштама;*

Коркунов В. Еще раз о «Савеловском периоде» О. Мандельштама. *К вопросам о разночтениях в стихах и сохранении памяти поэта в Кимрах.*

ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Васькин А. Похождения русского Мюнхгаузена. *Перечитывая графа Ростопчина* — 1.

Кормилов С. «Майор ведь чин значительный!» *Официальные знаки государственного и общественного престижа в творчестве Чехова* — 5.

Синцов Е. *Динамика мотивов как основа драматургии комедии Н. Гоголя «Ревизор»* — 5.

Тархова Н. К проблеме изучения биографии Грибоедова сегодня — 4.

А. П. Чехов — 1:

Беспрозванный В. К интерпретации рассказа А. П. Чехова «Дочь Альбиона»;

Ермачкова А. «Противно, а придется написать». *Н. Некрасов в творчестве А. Чехова*;

Зубарева В. Настоящее и будущее Егорушки. «*Степь*» в свете позиционного стиля;

Тюпа В. Чеховская энциклопедия.

Гипотезы — 4:

Иваницкий А. О «Тайне мертвых душ», или Как не сломать ключ метода в замке текста;

Левинов Б. Есть ли тайные смыслы в поэме Гоголя «Мертвые души»? *Об историзме произведения русского классика.*

А. С. Пушкин — 6:

Белый А. «Понятна мне времен превратность»;

Степанова Т., Схляхо Д. Архаический обрядовый дискурс и современность. *Полемика о Пушкине в новописьменной литературе Северного Кавказа.*

Был ли Московский текст в русской литературе?

Люсый А. Третьеримские вычитания — 6.

ВЕК МИНУВШИЙ

Барабаш Ю. «Шевченковский текст» Ивана Дзюбы — 3.

Бит-Юнан Ю., Фельдман Д. Сталинские премии Василия Гроссмана: история с библиографией — 4.

Из архива Василия Аксенова — 6:

Из записных книжек (1962—1965);
Из официальной переписки.

Исаак Бабель — 5:

Левин С., Погорельская Е. «Во время кампании я написал дневник...» *Пространственно-временные координаты в «Конармии» и конармейском дневнике Исаака Бабеля;*

Погорельская Е. Комментарий к рассказу И. Бабеля «История моей голубятни». *Новые материалы к биографии писателя;*

Ярмолинец В. Одесский Мопассан.

ЗАРУБЕЖНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Беркович Е. «Немыслимая разлука», или Томас Манн и Петер Прингсхайм — 5.

Дрейзис Ю. Разработка культурной парадигмы постмодерна в произведениях китайских авангардистов — 1.

Кашлявик К. Библия Пор-Рояля на перекрестке языков и культур — 2.

Миллер Г. Размышления о письме. *Перевод с английского О. Коваленко* — 1.

Современные имена

Пасечник В. Мо Янь: первое знакомство — 5.

Татарinov А. О «гонкуровском» Уэльбеке и «букеровском» Барнсе — 1.

Шервашидзе В. Поэтика «следа» во французском романе: «Поля чести» Жана Руо — 6.

ШЕКСПИРОВСКАЯ МАСТЕРСКАЯ

Акимов Э. Ричард Глостер и Дон Гуан. *Уроки исторической поэтики* — 6.

Зелезинская Н. Романы Айрис Мёрдок. *Уроки шекспировского жанра* — 6.

Шайтанов И. Обстоятельства и проблемы творческой биографии Шекспира (до 1594 года) — 2.

Статьи из Шекспировской энциклопедии — 2:

Луценко Е. Д. Д. Шостакович;

Погорелая Е. И. А. Бродский;
Сапожков С. К. Р.;
Сергеева-Клятис А. Б. Л. Пастернак;
Станкевич А. Н. С. Лесков;
Щедрина Т. Г. Г. Шпет;
Эмерсон К. С. Д. Кржижановский.

ИЗ ИСТОРИИ ЭМИГРАЦИИ

Злочевская А. Мотив крушения ценностей в пьесах о революции. *Опыт типологического сопоставления* — 3.

Климова С. Эмигрантский «анахронизм» и советская «мощь»: *Бунин и английский диалог о русской эмиграции и советской России* — 3.

Пonomарев Е. «Берлинский очерк» 1920-х годов как вариант петербургского текста — 3.

Хисамутдинов А. Русский литературный Шанхай — 3.

В. В. Набоков — 3:

Винокурова И. Набоков и Берберова;

Муравский Д. Иррациональность жизни по шахматным законам (*на примере романа В. Набокова «Защита Лужина»*).

Русские в Италии — 3:

По материалам энциклопедии;

д'Амелия А., Рицци Д. «Не широкая река, а множество ручейков...» *Беседа вела А. Ямпольская.*

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ПОЭТИКА

Климова С. Байрон, Пушкин и русские Дон Жуаны. *Жанровая судьба вечного образа* — 1.

Луценко Е. «Око за око», или Двое из дома Капулетти. *Комментарий к одной шекспировской сцене* — 2.

Перлина Н. Гофманиана Крошки Цореса и терциада Крошки Цахеса — 5.

Пестерева Е. Улисс в отечестве своем. *Рецепция романа Дж. Джойса «Улисс» в поэме О. Чухонцева «Однофамилец»* — 6.

Степанян К. Достоевский и Шекспир. *Герои и авторы в «большом времени»* — 2.

Чайковская И. Иван Тургенев как читатель Гёте. *К вопросу о построении жизненной модели* — 4.

СИНТЕЗ ИСКУССТВ

Андре Мальро — Марк Шагал. Переписка. Публикация, примечания и перевод Т. Балашовой — 5.

Балашова Т. Между традицией и экспериментом. Опыт Андре Мальро — писателя и министра — 5.

Баршт К. О сосуде с елеем Исаии Отшельника и о непреднамеренном бурлеске капитана Лебядкина — 2.

Боснак Д. Картина И. Крамского «Неутешное горе» в художественной системе поэмы «Москва — Петушки» — 1.

Волкова П. Автопортрет с тенями Зазеркалья — 6.

Макаричев Ф. Сценарная полифония в романах Достоевского — 2.

Пронин А. Киносценарий В. Маяковского «Как поживаете?»: блестящее поражение — 4.

Шулова Я. Сценический вариант романа Андрея Белого «Петербург» — 3.

Тезаурус: «художественная аура»

Степанян-Румянцева Е. Словесное и пластическое в «Подроске» — 2.

ФИЛОЛОГИЯ В ЛИЦАХ

Богатырева С. Краткое жизнеописание профессора Сергея Бернштейна, ученого-лингвиста, в воспоминаниях и 43-х документах — 6.

Каганович Б. А. А. Смирнов и пастернаковские переводы Шекспира — 2.

Бахтин: к выходу в свет собрания сочинений — 4:

Исупов К. Бахтин академический;

Ольхов П. Старый новый Бахтин;

Перлина Н. Достоевский в собрании сочинений М. Бахтина: от «проблем творчества» до «проблем поэтики»;

Пискунова С. Воздушные пути. Историческая поэтика романа в трудах М. Бахтина.

Портретная галерея

Амурский В. «Всё у меня о России...» Вспоминая Владимира Соколова — 2.

- Амусин М.** От утопии к атараксии: Братья Стругацкие — 4.
Евграфов Г. Из «Воспоминаний о Давиде Самойлове» — 2.
Межиров А. «Поэзия — ни в коем случае не профессия...» — 6.
Поликовская Л. «От национального к общечеловеческому». Эпизоды из жизни Михаила Осоргина — 3.
Рейф И. Писатель на все времена. Юрий Трифонов — 1.

ТЕОРИЯ: ПРОБЛЕМЫ И РАЗМЫШЛЕНИЯ

- Зубарева В.** Перечитывая А. Веселовского в XXI веке — 5.
Чижова Е. Можно ли писать стихи после *Ленинграда*? — 4.

Повествовательные стратегии современной прозы — 1:

- Петров В.** L'Art prosaic. Тенденции художественной эволюции: роман современный и будущий;
Савкина И. Записки как «деперсонализированный дневник»: документально-художественный потенциал жанра;
Щербинина Ю. Бес писательства. *Об эволюции графомании.*

Слово авторам ЖЗЛ

- Беляков С.** Лев Гумилев: кумир или герой? — 5.
Варламов А. Заметки о биографическом жанре — 4.
Новиков Вл. Без оглядки на Полину Виардо — 1.

Текстология

- Холиков А.** Исследовательские возможности текстологии: случай Д. Мережковского — 4.

ПОЭТИКА ЖАНРА

- Безносков Э.** О жанре поэмы «Василий Теркин». «*Попятное*» движение от сказки к мифу — 6.
Прохоров Г. «Дневник писателя» Достоевского: публицистика или новый жанр? — 5.
Сили М. Об одном поэтическом экфрасисе С. Городецкого — 6.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ МУЗЕЙ

- «Я ведь существо всеядное...» *Обзор писем К. Чуковского к О. Ломан* — 4.

НАД СТРОКАМИ ОДНОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Кудрин О. Время, вперед, к Апокалипсису! *Главы из книги «Белогвардеец Валентин Катаев»* — 3.

Малых В. Принцип троичности в стихотворении Н. Гумилева «У цыган» — 4.

Половинкина О. «Мука и Мука»: Дж. Альфред Пруфрок, «бледный Пьеро» и основы современного бытия — 5.

Соболь В. Билет на поездку... к себе. *Бунтующие персонажи Василия Аксенова* — 6.

Шраговиц Е. Два разных пиджака, Или о чем Окуджава написал песню «Старый пиджак» — 2.

СВОБОДНЫЙ ЖАНР

Беленькая М. Неправильная рецензия бывшей учительницы — 2.

Ярхо В. Русская тайна Мориарти — 4.

ПУБЛИКАЦИИ. ВОСПОМИНАНИЯ. СООБЩЕНИЯ

«Жадность стиховеда и стихолюбя». Переписка А. П. Квятковского и М. Л. Гаспарова. *Публикация Я. Квятковского, вступительная статья, подготовка текста, комментарии И. Роднянской* — 2.

Из архива Василия Аксенова. *Вокруг калифорнийской конференции по русской литературе* — 3.

День в Горках. *По страницам неоконченного мемуарного очерка Ю. Оксмана. Вступительная заметка, подготовка текста и комментарии М. Фролова* — 4.

Глушаков П. Первые литературные опыты Василия Шукшина — 5.

Гноевых А. «Насколько это явление прочно и устойчиво, покажет будущее». *В. Короленко о новом поколении российских консерваторов* — 6.

Гофман Е. Разомкнуть круг нетерпимости — 3.

Кантор В. Русский европеец и закат Европы. *Письмо Ф. Степуна — О. Шпеглеру (перевод с немецкого Р. Гергеля, публикация и комментарии В. Кантора)* — 2.

Скарлыгина Е. Без гнева и пристрастия — 3.

ПОЛЕМИКА

Есипов В. О конфликте Василия Аксенова с Иосифом Бродским — 3.

Темненко Г. «Неутолённый рот». К проблеме объективного/не-солидарного прочтения ахматовских текстов — 4.

ЗАМЕТКИ. РЕПЛИКИ. ОТКЛИКИ

Горбушин С., Обухов Е. О композиции «Случаев» Даниила Хармса — 1.

Конаков А. О рифме избитой — 6.

Мельникова С. К вопросу о прототипе главного героя рассказа Н. С. Лескова «На краю света» — 4.

Поварцов С. Ахматова и театр Вертинского — 5.

Рогалев А. Свидригайлов и Свидригайло: литературный персонаж и литовский князь — 4.

Сальман М. К родословной Н. Я. Мандельштам — 6.

Смиренский В. «Анна Каренина» и «Красное и черное»: история борьбы с традицией — 5.

Степанова Г. В параллельных мирах. *Интертекст русской классики в пьесе М. Горького «На дне»* — 1.

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Баршт К. Немецкий взгляд на Платонова и платоноведение — 1.

Голенко Ж. Каждый текст — автобиография. Вопрос лишь: какая? — 1.

Долгорукова Н. Звезда зарубежной поэзии? *Мария Французская в переводах В. Долиной* — 5.

Махлин В., Долгорукова Н. Ресентимент одураченных — 6.

Павлова Н. О смысле культуры модерн — 6.

Спиваковский П. Четыре книги. *Новые исследования творчества Александра Солженицына* — 5.

Яковлев С. Поиск идентичности — 6.

Книжный разворот

Абдуллаев Е. И. В. Кондаков. Вместо Пушкина. Этюды о русском постмодернизме — 1.

Альфин Д. Х. Кортасар. Письма к издателю — 6.

Анцыферова О. Н. В. Морженкова. Авангардистский эксперимент Гертруды Стайн: в поисках жанра — 4.

Аросев Г. Владимир Радзишевский. Между жизнью и смертью. Хроника последних дней Владимира Маяковского — 1.

Ауэр А. А. А. Фет и его окружение — 4.

Беляков С. Д. Быков. Советская литература. Краткий курс — 6.

Битюгова И. А. И. Батюто. Дневник (1936—1952 годы). Стихи — 6.

Борисова А. Л. Л. Горелик. «Миф о творчестве» в прозе и стихах Бориса Пастернака — 5.

Владимиров Г. Н. В. Гоголь. Полное собрание сочинений в 23 тт. Т. 7 (в 2 кн.) — 3.

Голенко Ж. М. Saunders. Self Impression: Life-Writing, Autobiografiction and the Forms of Modern Literature — 1.

Джумайло О. Сильвия Зассе. Яд в ухо: исповедь и признание в русской литературе — 1.

Дуардович И. Максим Лаврентьев. Поэзия и смерть — 5.

Евлампович И. В. Кантор. «Крушение кумиров», или Одоление соблазнов — 3.

Егорова Л. И. М. Левидова. Калиф из Багдада. О. Генри и его новелла — 1; Гамлет. Вариации: по страницам русской поэзии — 2; Франц Кафка в русской культуре — 3; Анри Труайя. Любовь длиною в жизнь. Девять эссе о женщинах, воспитавших великих русских писателей; А. Ю. Сергеева-Клятис. Батюшков — 4; Янгфельдт Б. Язык есть Бог. Заметки об Иосифе Бродском — 5; Н. И. Рейнгольд. Мосты через Ла-Манш: Британская литература 1900—2000-х — 6.

Елифёрова М. Анри Труайя. «Мильон терзаний» Ивана Александровича Гончарова — 4.

Зелезинская Н. Asloob Ahmad Ansari. The Existential Dramaturgy of William Shakespeare: Character Created through Crisis — 2.

Кормилов С. М. Д. Амирханян. А. С. Пушкин и Армения — 2.

Мельников Г. Невыдуманная история походов Йозефа Швейка в России — 3.

Новиков Вл. Е. Ю. Скарлыгина. Русская литература XX века: на родине и в эмиграции — 3.

Переяслова М. С. Бочаров. Генетическая память литературы — 6.

Пестерева Е. Артем Скворцов. Самосуд неожиданной зрелости. Творчество Сергея Гандлевского в контексте русской поэтической традиции — 3; В. Пустовая. Толстая критика. Российская проза в актуальных обобщениях — 6.

Рапп К. Т. Ратькина. Никому не задолжав... Литературная критика и эссеистика А. Д. Синявского — 1.

Савченко Т. С. А. Матяш. Вольный ямб русской поэзии XVIII—XIX вв.: жанр, стиль, стих — 3.

Федяева Т. Н. Д. Тамарченко. «Эстетика словесного творчества» М. М. Бахтина и русская философско-филологическая традиция — 4.

Чередниченко С. Б. Н. Тарасов. Феномены западной культуры Нового времени в контексте антропологических традиций Возрождения и христианской мысли — 6.

Черкасов В. Классик без ретуши: Литературный мир о творчестве И. А. Бунина: Критические отзывы, эссе, пародии (1890—1950-е годы) — 5.

- Шайтанов И.** Томас Кид. Испанская трагедия — 2.
Ямпольская А. *Laurea Logae*. Сборник памяти Ларисы Георгиевны Степановой — 3.

В ШУТКУ И ВСЕРЬЕЗ

Коллективный роман-пародия «Томление тела». Публикация, подготовка текста, вступительная заметка и примечания В. Хазана — 3.

ЯМБО (А. Аверченко). Российский Ренессанс. Публикация Рафаэля Соколовского — 1.

Эдуард ШУЛЬМАН. И это все в меня запало... *Коротышки и нотабеночки* — 1.

Кузнецов Э. «Имея разум очень гибкий...» (*В. Ермилов глазами сатириков*) — 4.

Сарнов Б. Один молчал, другой стучал — 4.

КОРОТКО ОБ АВТОРАХ СТАТЕЙ

Акимов Э. Б., 1968, кандидат филологических наук, литературовед. Сфера научных интересов — история и поэтика английской литературы. Автор монографии «Поэтика Джойса» (1995), а также ряда статей по английской и русской словесности.

Безносков Э. Л., 1950, филолог, литературовед, заслуженный учитель РФ. Сфера научных интересов — русская литература XIX—XX веков. Автор книги «Потому что искусство поэзии требует слов...» (2011); составитель первого в СССР поэтического сборника И. Бродского.

Белый А. А., 1940, литературовед, пушкинист. Сфера научных интересов — проблемы изучения творчества Пушкина, поэзия второй половины XX века. Автор книги «Я понять тебя хочу» (1995), а также многочисленных статей по указанной проблематике.

Богатырева С. И., литературовед, мемуарист, профессор русской литературы в США. Публикатор неизвестных текстов О. Мандельштама и Вл. Ходасевича, автор трех книг, аудиокниги литературных воспоминаний и большого числа статей, исследований и эссе, посвященных поэзии и прозе Серебряного века, а также литературе для детей и детскому творчеству.

Вайман Н. И., 1947, писатель, переводчик, эссеист. Автор нескольких книг прозы, участник ряда прозаических и поэтических антологий, в том числе антологии «Освобожденный Улисс» (2004), а также ряда статей и рецензий, опубликованных в толстых литературных журналах.

Видгоф Л. М., 1958, филолог, литературовед. Основная сфера научных интересов — поэзия О. Мандельштама, московское общество. Автор книг «Москва Мандельштама» (1998, 2006), «Улицами московского романа» (2009), а также ряда статей, опубликованных в толстых литературных журналах.

Гноевых А. В., 1985, аспирант Института Российской Истории РАН. Сфера научных интересов — история русской общественной мысли, политические партии и движения начала XX века. Автор ряда статей по указанной проблематике.

Долгорукова Н. М., филолог, литературовед, переводчик, аспирант ИМЛИ РАН, докторант Сорбонны (Париж-4). Сфера научных интересов — компаративистика, поэзия Марии Французской. Автор ряда статей в филологических изданиях.

Есипов В. М., филолог, литературовед. Сфера научных интересов — русская поэзия пушкинской поры, литература XX века. Автор книг «Царственное слово: статьи о творчестве Пушки-

на и Ахматовой» (1998), «Пушкин в зеркале мифов» (2006), «Об утраченном времени» (2012), а также ряда статей о русской поэзии XIX—XX веков.

Зелезинская Н. С., лингвист, литературовед, преподаватель. Сфера научных интересов — шекспироведение, современный англоязычный роман, переводоведение. Автор ряда статей по указанной проблематике.

Кантор В. К., 1945, писатель, критик, литературовед, доктор философских наук, профессор. Автор книг: «Русская эстетика второй половины XIX столетия и общественная борьба» (1978), «Братья Карамазовы» Ф. Достоевского» (1983), «В поисках личности: опыт русской классики» (1994), «Русская классика, или Бытие России» (2005) и др., а также ряда работ по истории русской литературы и философии.

Конаков А. А., 1985, литературный критик, эссеист. Сфера критических интересов — современная русская поэзия. Автор ряда статей о творчестве Л. Лосева, А. Родионова, Б. Рыжого и других современных поэтов, опубликованных в толстых литературных журналах.

Коркунов В. В., 1984, журналист, эссеист, литератор. Сфера научных интересов — литературное краеведение, современная русская поэзия. Автор шести книг, в том числе «Страницы истории кимрского края» (2008; в соавторстве с В. И. Коркуновым), а также ряда статей о современной литературе.

Кудрин О. В., 1964, кандидат педагогических наук, прозаик, литературовед. Сфера научных интересов — идеология, идеологическое наполнение мифологем. Автор двух романов, а также ряда работ по зарубежной литературе.

Люсый А. П., 1953, культуролог, краевед, журналист, публицист, литературный критик, создатель концепции «крымского текста» в русской литературе. Автор книг: «Крымский текст в русской литературе» (2003), «Наследие Крыма: геософия, текстуальность, идентичность» (2007), «Поэтика предвосхищения: Россия сквозь призму литературы, литература сквозь призму культурологии» (2011) и др., а также множества культурологических и литературоведческих эссе и статей.

Махлин В. Л., 1947, доктор философских наук, кандидат филологических наук, член-корреспондент Академии гуманитарных исследований при Институте философии РАН, историк, переводчик, ответственный редактор международного издания «Бахтинский сборник» (1990—2004). Автор монографии «Я и другой. К истории диалогического принципа философии XX века» (1997), а также многочисленных статей и переводов.

Павлова Н. С., доктор филологических наук, литературовед-германист, переводчик, профессор РГГУ. Автор книг: «Типология немецкого романа. 1900—1945» (1982), «Экспрессионизм. Литература и искусство» (1986) и др., а также ряда статей по истории зарубежных литератур.

Пестерева Е. С., поэт, литературный критик. Сфера творческих интересов — современная русская поэзия. Автор ряда эссе и рецензий, опубликованных в толстых литературных журналах.

Соболь В. А., 1950, беллетрист, критик, сценарист. Доцент кафедры журналистики Северо-Западного института печати, лауреат Государственной премии РФ, нескольких литературных премий. Автор шести книг прозы, а также многочисленных статей и литературных обзоров.

Степанова Т. М., доктор филологических наук, профессор кафедры литературы и журналистики Адыгейского государственного университета. Автор книг: «Поэзия и правда. Структура и поэтика публицистической прозы Бориса Зайцева» (2003), «Художественный мир публицистики русского Зарубежья. Борис Зайцев» (2004), «Мироздание глазами поэта и философа. Образы природы в творчестве И. Машбаша» (2012), а также многочисленных научных статей.

Схляхо Д. С., кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований. Сфера научных интересов — история русской литературы XIX—XX веков, литературное регионоведение. Автор ряда статей по указанной проблематике.

Татаринов А. В., 1967, доктор филологических наук, профессор кафедры зарубежной литературы Кубанского государственного университета. Сфера научных интересов — религиозная философия, современная русская проза. Автор книг: «Библейский сюжет и его становление в литературном процессе (средние века и Возрождение)» (2000), «Литературные апокрифы как религиозно-философская проблема современной критики» (2006) и т. д., а также ряда статей о романах современных писателей.

Шервашидзе В. В., доктор филологических наук, профессор. Автор монографий: «Романы А. Мальро» (2001), «От романтизма к экзистенциализму. Творчество А. Мальро и А. Камю» (2005) и др., а также многочисленных статей по истории и теории французской литературы.

Яковлев С. А., 1952, прозаик, публицист, литературовед. Член Союза писателей Москвы и Русского ПЕН-центра.

НОВЫЕ КНИГИ

А. П. Чудаков: Сборник памяти / Сост. С. Г. Бочаров, И. З. Сура, при участии М. О. Чудаковой. М.: Знак. 2013. 432 с. 1000 экз.

АМИРЯН Т. Они написали заговор. Конспирологический детектив от Дэна Брауна до Юлии Кристевой. М.: Фаланстер. 2013. 352 с. 700 экз.

БЕРДИНСКИХ В. История русской поэзии. Модернизм и Авангард. М.: Ломоносовъ. 2013. 480 с. 1500 экз.

Бриттен / Сост. А. Генина, перевод с англ. А. Гениной и А. Круглова. М.: Центр книги Рудомино. 2013. 368 с. 1000 экз.

«Все речи я сберег в душевной глубине...» Жемчужины мировой поэзии в переводах Ивана Бунина / Сост. Ю. Фридштейн, вступ. ст. В. Шаламова. М.: Центр книги Рудомино. 2013. 448 с. 1500 экз.

ЗИММЕЛЬ Г. Избранное. Философия культуры / Перевод с нем. М. И. Левиной, С. Л. Франка, Н. Южина. СПб.: Центр гуманитарных инициатив. 2013. 432 с. 1000 экз.

ИВАНОВА Е. Кризис языка и язык кризиса в поэзии конца XX — начала XXI века. Саратов: ИЦ «Рата». 2013. 152 с. 100 экз.

КРИСТЕВА Ю. Семиотика: исследования по семанализу / Перевод с франц. Э. А. Орловой. М.: Академический проект. 2013. 285 с. 1000 экз.

КЭРРОЛ Льюис. Дневник путешествия писателя в Россию в 1867 году, или Русский дневник / Перевод с англ. и предисл. Н. Демуровой; статьи и эссе о Льюисе Кэрролле; Г. К. Честертон, А. А. Милн, В. Вульф и др.; под общ. ред. Н. Демуровой. Челябинск: Энциклопедия; СПб.: Крига. 2013. 416 с. 1000 экз.

РАНЧИН А. Перекличка Камен: Филологические этюды. М.: Новое литературное обозрение. 2013. 656 с. 1500 экз.

**ПОЛНАЯ ЭЛЕКТРОННАЯ ВЕРСИЯ
самого авторитетного российского журнала
критики и литературоведения
«Вопросы литературы»**

Совместно с компанией «Ист Вью» редакцией подготовлена полная электронная версия журнала: более 500 номеров за 56 лет (1957—2013), около 150 тысяч страниц.

Электронный формат представления материала дает исследователям много новых возможностей! Теперь достаточно просто подписаться на архивную базу или отправить заказ на отдельные номера журнала, и вы получите доступ к любой интересующей вас статье, вышедшей в журнале «Вопросы литературы».

Предусмотрена возможность использовать при поиске сложный язык запроса, сортировать статьи и просматривать цитаты из документов, полученных в результате поиска:

- полнотекстовый поиск, по любому слову и словосочетанию;
- просмотр по годам издания, по отдельным номерам и статьям;
- поиск по отдельным полям (автор статьи, название статьи, весь текст статьи);
- морфологический поиск;
- поиск на точное совпадение;
- поиск в диапазоне дат;
- просмотр содержания отдельных номеров;
- поиск в определенном номере.

С 2008 года вы можете подписаться как на базу данных в целом, так и на отдельные номера журнала. Стоимость одного номера журнала — 435 рублей. Для подписчиков на всю архивную базу данных скидка до 75 %.

**Доступ к базе данных осуществляется
через Интернет по IP-адресам, что делает ресурс
доступным для каждого пользователя
без необходимости ввода логина и пароля.**

**По вопросам тестового доступа и подписки
обращайтесь по адресу:**

117638, г. Москва, ул. Азовская, д. 6, к. 3, офис 4/1

Тел.: (495) 777-65-57. Факс: (495) 318-08-81

Электронная почта: sales@mosinfo.ru

Адрес сайта: www.ebiblioteka.ru, www.eastview.com

НАУЧНЫЕ СЕМИНАРЫ в Российском государственном гуманитарном университете

В рамках стратегического развития РГГУ осуществляется проект «Европейское Возрождение и творчество Шекспира. Стратегии межкультурного диалога»

«ШЕКСПИР И КУЛЬТУРА ВОЗРОЖДЕНИЯ»

Ежегодный Научный семинар «Шекспир и культура Возрождения» в пятый раз будет проводиться кафедрой Сравнительного изучения литератур историко-филологического факультета РГГУ. На общее обсуждение вынесен вопрос:

ПИСАЛ ЛИ ШЕКСПИР В ЖАНРЕ ТРАГИКОМЕДИИ?

В качестве докладчиков приглашены специалисты по основным европейским литературам. Предметом разговора станет жанровая ситуация в европейской драматургии в эпоху позднего Ренессанса.

Категория жанра приобрела особое значение в русской филологической школе на протяжении XX века. В свете ее положений предлагается рассмотреть как драматическую практику, так и меняющееся теоретическое обоснование творчества в ренессансных трактатах. Современные принципы исторической поэтики и компаративного подхода едва ли не более всего требуют проверки в условиях, когда складываются национальные литературы и проходят испытание унифицирующими требованиями классического нормативизма.

В теоретическом плане эта проблематика будет вынесена на обсуждение на Круглом столе:

ПРОБЛЕМА ЖАНРА В ЕВРОПЕЙСКОЙ ДРАМАТУРГИИ: ОТ ВОЗРОЖДЕНИЯ К КЛАССИЦИЗМУ

Семинар намечен на 19—20 июня 2014 года (РГГУ, г. Москва, Миусская площадь, д. 6). К участию в работе Семинара и для выступления на Круглом столе приглашаются все желающие.

«СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ КОМПАРАТИВИСТИКИ»

Пятая сессия ежегодного Научного семинара, проводимого кафедрой Сравнительного изучения литератур историко-филологического факультета РГГУ, пройдет в рамках Белых чтений 19—21 октября 2014 года. Она будет посвящена теме:

ПРОБЛЕМЫ И ПОНЯТИЯ СОВРЕМЕННОЙ КОМПАРАТИВИСТИКИ

Пережила ли современная компаративистика «смерть дисциплины»? Что изменилось за последние два десятилетия, прошедшие на рубеж веков/тысячелетий, в понимании традиционных проблем мировой литературы — и какие из числа новых понятий доказали (или не доказали) свою актуальность: глобализация, мультикультурность, интертекст?..

Поскольку мировая компаративистика в последние годы проявила интерес к положениям русской исторической поэтики, возникла потребность вернуться к обсуждению того, какое место занимает в поэтике А. Н. Веселовского сравнительный метод.

Для обсуждения на Круглом столе вынесена проблема, связанная с тем, что компаративистика заняла важное место в университетском преподавании:

КОМПАРАТИВИСТИКА В УНИВЕРСИТЕТСКОМ КУРСЕ

Предполагается публикация лучших материалов в журнале «Вопросы литературы» и в «Новом филологическом вестнике» РГГУ.

Ведущий — Игорь Олегович ШАЙТАНОВ.

Координаторы проекта — Ирина Викторовна ЕРШОВА (i.v.ershova@list.ru); Наталья Александровна ПАСТУШКОВА (past_nat@yahoo.com).

Е-мэйл кафедры СИЛ — sil_iff_rgggu@mail.com.

**Журнал «Вопросы литературы» предлагает
на коммерческой основе
размещение рекламы
о научных изданиях и событиях:
конференциях,
семинарах, круглых столах.**

Подписаться на «Вопросы литературы» можно через:

1. ООО Агентство «ГАЛ»

Тел.: +7 495 981-03-24
Факс: +7 495 981-03-24

2. ОАО Центральный коллектор библиотек «БИБКОМ»

Тел.: +7 495 995-95-77;
+7 495 995-95-78
Факс: +7 495 600-94-44
www.ckbib.ru

«Бибком» выставляет журнал «Вопросы литературы» в каталоге «Пресса России» под номером 70149.

3. ООО «Деловые издания»

Тел.: +7 495 685-59-78
Факс: +7 495 685-59-78

4. ООО «ИВИС»

Тел.: +7 495 777-65-57;
+7 495 777-65-58
Факс: +7 499 232-68-81
www.ivis.ru

5. ООО «Информнаука»

Тел.: +7 495 787-38-73
Факс: +7 499 152-54-81
www.informnauka.com

6. НПО «Информ-система»

Тел.: +7 499 789-45-55
Факс: +7 499 789-40-00
www.informsistema.ru

7. ЗАО «МК-Периодика»

Тел.: +7 495 672-70-42
Факс: +7 495 306-37-57
www.periodicals.ru

8. ООО «Урал-пресс»

Тел. +7 495 961-23-62
Факс: +7 495 789-86-36/37
www.ural-press.ru

9. ООО «Межрегиональное агентство подписки»

127994, К-51, ГСП-4, Москва, Цветной бульвар, д. 30, стр. 1.
<http://map-smi.ru/ru/>

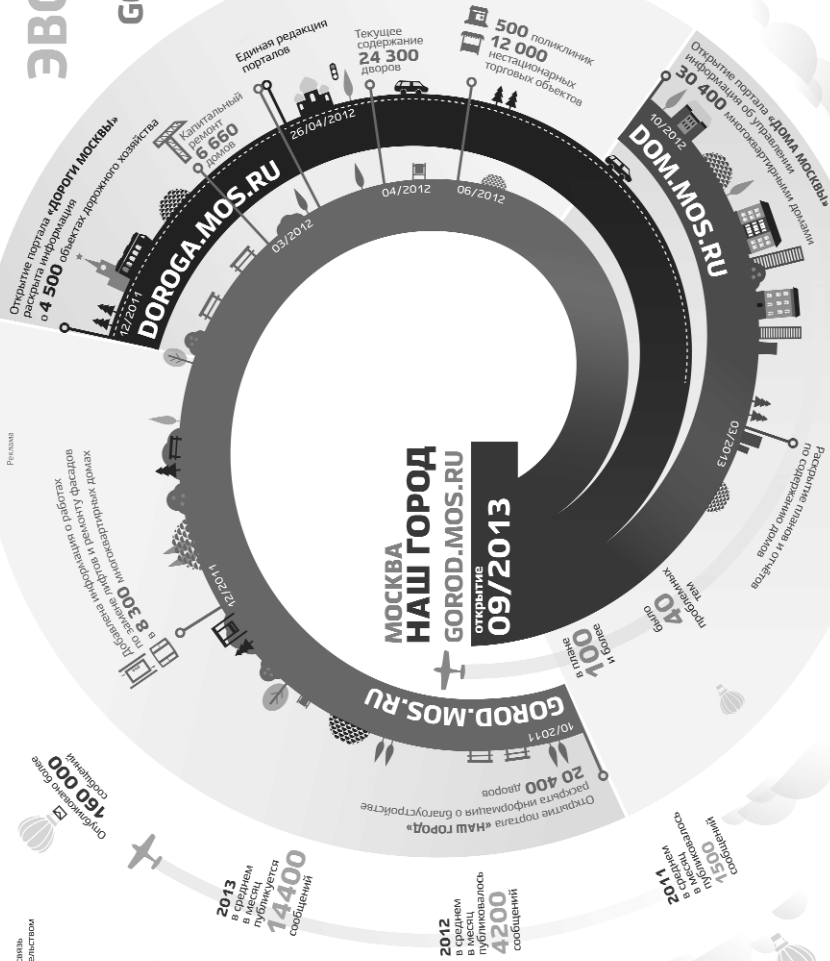
ООО «МАП» в 2013 году выставляет журнал «Вопросы литературы» в каталоге «Почта России»

В Москве журнал «Вопросы литературы» можно купить в:

редакции журнала;
книжной лавке журнала «Москва» (Арбат, д. 20);
книжной лавке «У Кентавра» при РГГУ (ул. Чаянова, д. 15, стр. 6);
киоске «The New Times» (Страстной бульвар, д. 4, возле метро «Чеховская»);
книжном магазине «Фаланстер» (Малый Гнездииковский переулок, 12/27)

Библиографическое издание «“Вопросы литературы” за 50 лет. Указатель содержания 1957—2006» можно приобрести в редакции журнала.

ЭВОЛЮЦИЯ ПОРТАЛА GOROD.MOS.RU

Раскрытие информации
об объектах городского
хозяйства

Получение обратной
связи от жителей по
проблемным
40
темам

Оперативное
решение городских
проблем

100%
Гарантия ответа
за **8**
рабочих дней

Оценка работы
городских служб
★★★★★

Журнал критики и литературоведения «Вопросы литературы»
в сети Интернет:

Журнальный зал — <http://magazine.russ.ru/voplit/>
Facebook — <http://www.facebook.com/voply>

Ответственность за точность цитат и фактических данных несут
авторы публикуемых материалов.

Редакция не имеет возможности рецензировать и возвращать
присылаемые рукописи.

Подписано в печать 20.11.2013.

Формат бумаги 84×108 ¹/₃₂. Бумага газетная. Гарнитура «Таймс».
Печать офсетная. Объем 16 печ. л. Усл.-печ. л. 26,88. Уч.-изд. л. 26,75.
Тираж 2400 экз. Цена свободная.

Адрес редакции журнала «Вопросы литературы»:
125009, Москва, Большой Гнезниковский пер., д. 10.
Телефон: (495) 629-49-77. Факс: (495) 629-64-71.
E-mail: vopli@arion.ru

Оригинал-макет изготовлен в редакции.

Заказ №

Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат»

143200, г. Можайск, ул. Мира, 93
www.оаомпк.ru, www.оаомпк.рф; тел.: (495) 745-84-28; (496) 382-06-85

Уважаемые авторы!

У вас появилась уникальная возможность издать свои произведения
тиражом от 100 экземпляров в прекрасном полиграфическом
исполнении и оформлении в типографии, применяющей новейшие
технологии и материалы. В этом вам помогут профессионалы

Можайского полиграфического комбината.

По всем вопросам обращайтесь по телефонам:

(495) 745-84-28, (496) 382-06-85;

e-mail: оаомпк@оаомпк.ru

Автор логотипа на первой странице — Павел Зорин